

**ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ,
ПОЛИТОЛОГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**ЗАРУБЕЖНАЯ ОЦЕНКА ТРУДОВ
АКАДЕМИКА Ж.М. АБДИЛЬДИНА**

Второе издание, переработанное и дополненное

**Алматы
2013**

УДК 122/129

ББК 87.22

З 35

*Рекомендовано Ученым советом Института философии,
политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК*

Редакционная коллегия:

З.К. Шаукенова (ответственный редактор)

С.Ю. Колчигин, А. Сагкызы

А.Д. Мейрманов (ответственный за выпуск)

З 35 Зарубежная оценка трудов академика Ж.М. Абдильдина / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2013. – 150 с.

ISBN – 978-601-7082-76-5

Книга представляет собой сборник наиболее значительных зарубежных рецензий на труды выдающегося философа, основателя казахстанской школы диалектической логики академика Национальной академии наук Республики Казахстан Жабайхана Мубараковича Абдильдина.

Читатель сможет познакомиться с проблематикой, которая стала предметом обсуждения многих видных философов ближнего и дальнего зарубежья, ощутить атмосферу творческой дискуссии вокруг идей Ж.М. Абдильдина.

Адресуется философам-профессионалам, студентам и аспирантам философских специальностей, а также всем, кто интересуется историей становления философии в Казахстане.

УДК 122/129

ББК 87.22

ISBN – 978-601-7082-76-5

© Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН РК, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Шаукенова З.К. Мэтру казахстанской философии... ..	6
Предисловие к первому изданию.....	9
Маньковский Л.А. Отзыв на кандидатскую диссертацию Ж. Абдильдина «Гносеологическая роль конкретного понятия».....	12
Ильенков Э.В., Даутов Т., Искаков А. Исследование диалектики и логики познания	20
Глебов Л.Д., Оруджев З.М. На малоисследованную тему	25
Молодцов В.С. Отзыв на книгу Ж.М. Абдильдина «Проблема начала в теоретическом познании», представленную в качестве докторской диссертации	32
Кедров Б.М. О разработке материалистической диалектики.....	40
Лекторский В.А. Ж. Абдильдин, А. Нысанбаев. Диалектико-логические принципы построения теории	41
Беляев Е.А., Османов Н.О. Ж.М. Абдильдин, А.Н. Нысанбаев. Диалектико- логические принципы построения теории.....	49
Юдин Э.Г. Ж.М. Абдильдин. Диалектика Канта	57
Кохановский В.П. Ж.М. Абдильдин. Диалектика Канта	65

Локк Б.В.	
Реферативное изложение рецензии Я. Ромба (Варшава) на книгу Ж. Абдильдина и А. Нысанбаева «Диалектико-логические принципы построения теории».....	75
Фогель Б.	
Абдильдин Ж.М. Развитие материалистической диалектики в Казахстане	81
Рахматуллин К.Х.	
Ж. Абдильдин, А. Нысанбаев. Диалектико-логические принципы построения теории.....	84
Из обзора в журнале «Вопросы философии».....	88
Витковски Л.	
Принцип противоречия в современной науке; Роль принципа конкретности в современной науке.....	89
Реферативный лист по философии (Берлин).	
Роль принципа конкретности в современной науке.....	94
Кедров Б.М.	
Из обзора в журнале «Вопросы философии».....	96
Ильенков Э.В., Хамидов А.А.	
Принцип противоречия в современной науке.....	97
Фролов А.К.	
Ж.М. Абдильдин, А.С. Балгимбаев. Диалектика активности субъекта в научном познании	102
Толмачев В.И.	
Реферативное изложение рецензии Х. Мильке и Х. Рихтера (Германия) на книгу Ж. Абдильдина и А. Балгимбаева «Диалектика активности субъекта в научном познании»	110

<i>Мануйлов И.М., Фролов А.К.</i>	
Ж.М. Абдильдин, А.С. Балгимбаев.	
Диалектика активности субъекта в научном познании;	
Роль категории «идея» в научном познании	112
<i>Османов К.О., Тихомиров В.Р.</i>	
Проблема активности субъекта и современная наука	119
<i>Халявин Г.М.</i>	
Исследование отдельных аспектов методологии	
«Капитала» К. Маркса в советской философской	
литературе середины 50-х – середины 70-х годов.....	124
<i>Давидович В.Е., Кохановский В.П., Минасян А.М.</i>	
Абдильдин Ж.М., Абишев К.А. Формирование	
логического строя мышления в процессе практической	
деятельности	127
<i>Роднов Л.Н., Сабитов М.С.</i>	
Обсуждение «Диалектической логики» в Институте	
философии АН СССР	131
<i>Лобастов Г.В.</i>	
Ж.М. Абдильдин. Сочинения в пяти томах	140

МЭТРУ КАЗАХСТАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ...

2013 год для казахстанского философского сообщества насыщен знаменательными событиями.

Первое, наиболее значительное и важное в этом философском событийном ряду – юбилей мэтра философии – академика НАН РК **Абдильдина Жабайхана Мубараковича**, основателя казахстанской школы диалектики, с именем которого связано введение казахстанского диалектического направления в мировой философский дискурс и разработка сложнейших философских проблем диалектической логики и методологии науки.

Второе событие – 55-летие Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК – флагмана философской науки Республики Казахстан, прошедшего честный научный философский путь. В 1973 году его, тогда еще Институт философии и права, возглавил Ж.М. Абдильдин, и руководил им на протяжении 11 лет.

Жабайхан Мубаракович подготовил 16 докторов и 41 кандидата наук, поддерживал многих молодых ученых в начале их творческого пути. Многие из них, уже сами ставшие маститыми учеными, продолжают сегодня работать в Институте философии, политологии и религиоведения. В 2012 году в Институте был проведен круглый стол «Судьбы диалектики в современном мире», приуроченный к 70-летию одного из учеников и сподвижников Ж.М. Абдильдина – профессора А.А. Хамидова.

К юбилею своего учителя, одного из своих руководителей, Институт подготовил специальный выпуск журнала «Адам әлемі – Мир человека». Тем самым мы хотели отметить особый вклад академика Ж.М. Абдильди-

на в становление и развитие казахстанской философской науки, профильного института, который в свое время во многом благодаря ему обрел всесоюзную и международную известность, признание и авторитет в научном мире.

Работы Ж.М. Абдильдина получили высокую оценку зарубежных ученых. К 70-летию Жабайхана Мубаракovicha Институт философии и политологии издал сборник «Зарубежная оценка трудов академика Ж.М. Абдильдина». Его составители – доктор философских наук, профессор С.Ю. Колчигин и тогда – кандидат, а ныне – доктор философских наук, заведующая отделом философии А. Сагикызы.

Открыв новые горизонты в понимании диалектики, Ж.М. Абдильдин определил ее значение как искусство развивать креативность мышления – именно еще и поэтому мы воздаем ему должное, поскольку в таком понимании диалектики обретается потенциал нелинейного мышления. Работы академика Абдильдина содержали и содержат в себе нравственное значение, являясь по сути своей нравственными текстами, в которых рассматриваются идеи и проблемы фундаментального характера. Именно это отмечают все те, кто внимательно читает его работы. Выдающийся российский философ Эвальд Ильенков в своей рецензии на фундаментальный труд – «Проблемы логики и диалектики познания», написанный под руководством Ж.М. Абдильдина в 1963 году, отметил: *«Этот план работы можно смело расценивать, не рискуя впасть в преувеличение, как серьёзный вклад в разработку диалектической логики, мимо которого теперь не может пройти ни один автор, пишущий о логике. Здесь не упущена, пожалуй, ни крупница того, что до этого было достигнуто нашей литературой по данному вопросу, и сделан шаг вперед по сравнению со всем предыдущим».*

Все это подвигло нас к тому, чтобы в год юбилея Жабайхана Мубаракovichа переиздать сборник «Зарубежная оценка трудов академика Ж.М. Абдильдина», который в свое время был выпущен ограниченным тиражом. Пусть и на этот раз тираж небольшой, но мы адресуем его действительно внимательному, думающему читателю, нынешним и будущим философам.

В конце 2012 года Ж.М. Абдильдин в одном из своих интервью сказал о нашем Институте буквально следующее: «Я внимательно слежу за событиями, которые происходят в родном для меня коллективе. Что отрадно – в нём сохранилась атмосфера товарищества, поддержки молодых дарований, остался высокий дух творчества и свободомыслия. И сегодня учёные-философы института на переднем крае общественного прогресса. Без них я не могу представить будущее философской науки. Без их глубокого философского осмысления жизни общества нам не обойтись».

Мы благодарны академику Ж.М. Абдильдину за столь высокую оценку нашей работы, за его отеческое отношение, мудрое участие и творческое сотрудничество.

Коллектив Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК желает Жабайхану Мубаракovichу здоровья, благополучия, творческого долголетия и продолжателей его научной школы.

*Шаукенова Зарема Каукеновна,
директор Института философии,
политологии и религиоведения КН МОН РК,
член-корреспондент НАН РК*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Рецензии – дело вполне обычное в научной среде, постоянно практикуемое и совершенно необходимое для развития науки. Однако целая книга рецензий, притом на труды одного исследователя – это уже явление знаменательное, выходящее за пределы обыденности, и, конечно же, подобную честь надо заслужить.

Именно таким – по праву заслуженным и широко известным ученым – является академик Национальной академии наук Республики Казахстан Жабайхан Мубаракевич Абдильдин, которому в 2003 году исполняется 70 лет.

К своему юбилею он подошел с большими и прекрасными свершениями: он основал казахстанскую школу философов, которая получила признание во всем мире; он был и остается инициатором, автором и руководителем многих фундаментальных работ по теории и истории диалектики, проблемам познания, системе категорий диалектической логики; он дал путевку в жизнь целой плеяде философов Казахстана, России, Кыргызстана и других стран.

И в течение сорока пяти лет творческой работы Жабайхан Мубаракевич получал и продолжает получать отклики на свои труды – как от ученых нашей республики, так и из-за ее пределов. Уже один этот факт свидетельствует о том огромном интересе, с каким изучали каждую публикацию Ж.М. Абдильдина в его родной республике и с каким следили за становлением и развитием философской школы Казахстана коллеги из-за рубежа. К слову сказать, сегодняшнее вхождение независимого Казахстана в мировое сообщество успешно осуществляется не в последнюю очередь благодаря усилиям тех, кто завоевывал для Казахстана

международный авторитет. Среди этих людей, безусловно, и Жабайхан Мубаракович Абдильдин.

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой сборник наиболее значительных зарубежных оценок научной деятельности Ж.М. Абдильдина и главных книг, написанных им индивидуально, в соавторстве или в качестве руководителя авторского коллектива. При этом составители настоящего сборника руководствовались необходимостью его издания по целому ряду причин.

Во-первых, на страницах книги перед читателем предстанут реалии недавней отечественной истории и ее философской мысли. Подобно эху времен, эти страницы позволят читателю старшего поколения вновь услышать живые голоса прошлых десятилетий, вновь приобщиться к глубоким диалектическим идеям, порою несправедливо забываемым ныне; а читатель поколения младшего сможет непосредственно окунуться в атмосферу тогдашних исследований, открытий, дискуссий и четче уяснить, полнее оценить дух и смысл формирования профессиональной философии в Казахстане.

Во-вторых, очень важно, что сборник воспроизводит голоса наиболее известных философов того времени, которые остаются крупнейшими авторитетами в философии и поныне: академика Бонифатия Михайловича Кедрова, докторов философских наук Эвальда Васильевича Ильенкова, Владислава Александровича Лекторского, видных философов дальнего зарубежья – всех тех, чье внимание к исследованиям казахстанских философов и чья поддержка этих исследований поистине неоценимы.

В-третьих, если говорить о данном сборнике с точки зрения времени настоящего, следует особенно подчеркнуть непреходящее значение подлинно содержательного и продуктивного мышления; а оно воплощается именно в диалектике, понятой как логика познания, мировоззрения,

творчества. Необходимость такого мышления не только не утратила актуальности, но стала, пожалуй, еще более злободневной, если учесть, сколько проблем и противоречий, подчас глобального масштаба, накопилось к сегодняшнему дню. Предлагаемый сборник, как мы надеемся, поможет и в этом отношении, подтолкнув пытливых (прежде всего – молодых) исследователей к глубокому изучению сущности диалектической мысли, к ее применению в разнообразных сферах познания и практики.

Несколько слов о технической стороне нашего издания.

Материал предлагаемой книги расположен в хронологической последовательности, начиная с отзыва профессора Л.А. Маньковского на кандидатскую диссертацию Ж.М. Абдильдина и заканчивая размышлениями профессора Г.В. Лобастова в связи с выходом в свет пятитомного собрания сочинений академика Ж.М. Абдильдина.

Некоторые рецензии и статьи даются только в тех отрывках, которые имеют непосредственное отношение именно к трудам Жабайхана Мубараквича.

В отдельных случаях мы приводим также и отзывы казахстанских философов, если они выступают как соавторы зарубежных ученых либо если эти отзывы опубликованы в зарубежных изданиях.

Составители надеются, что этот сборник станет не только памятной юбилейной книгой исторического значения, но и хорошим подспорьем для всех, кто серьезно занимается проблемами диалектической логики – логики развития – а, значит, нацелен в настоящее и грядущее.

Составители

С.Ю. Колчигин, доктор философских наук, профессор

А. Сагикызы, доктор философских наук, доцент

Л.А. МАНЬКОВСКИЙ, ПРОФЕССОР (г. МОСКВА)

*Отзыв о работе Ж. Абдильдина
«Гносеологическая роль конкретного понятия»,
представленной в качестве диссертации на соискание
ученой степени кандидата философских наук
(8 декабря 1958 г.)*

Тема, избранная Ж. Абдильдиным для диссертации, имеет в высшей степени актуальный характер, так как она посвящена задаче разработки **диалектической логики**. Редакция журнала «Вопросы философии» в своей передовой статье к № 10 за 1958 год совершенно правильно отмечает, что современная позитивистская ревизия диалектического материализма заключается, в частности, в том, что ею «отвергается диалектическая логика марксизма как якобы не имеющая своего предмета», что для такой ревизии марксизма характерны рассуждения о «логике вообще», под которой понимается обычно какая-нибудь из разновидностей формальной логики. Отрицание диалектической логики как **логической** теории высшего типа, какими бы соображениями ни руководствовалось такое отрицание, ведёт к разоружению нашей философии, к лишению её того именно средства, которое особенно необходимо для действенного контакта с конкретными науками и с практикой.

Диссертант отдаёт себе отчет в отрицательном значении указанного явления, рассматривает отдельные факты нигилистического отношения к диалектической логике и в нашей философской литературе, решительно выступает против этого. В этом его несомненная заслуга.

Диссертант взялся за исследование одной из самых коренных проблем диалектической логики – проблемы **конкретного понятия**.

Правда, формулировка темы звучит несколько тавтологически, так как понятие и, в частности, конкретное понятие, есть познавательная, гносеологическая категория, и поэтому странно говорить о его гносеологической «роли»; но замысел автора ясен – он хочет исследовать то место, которое занимает конкретное понятие в общем процессе познания.

Рецензируемая работа разделена на три неравные части: в первой из них (1-я и 2-я главы) рассматривается, как выражается автор, – **становление** диалектической логики, логические учения Канта и Гегеля, в особенности их учения о конкретном понятии; во второй части (глава 3-я) рассматривается то принципиально новое, что было внесено марксизмом в учение о конкретном понятии, поскольку это учение было поставлено на материалистическую почву; в третьей части (глава 4-я), которой отведена половина всей работы, непосредственно рассматривается сущность конкретного понятия.

Структура работы не вызывает возражения, – марксистское исследование не может миновать истории вопроса, которая имеет не самодовлеющее значение, но призвана дать верную перспективу для понимания непосредственного предмета исследования. Автор совершенно правильно называет Канта первым философом нового времени, **поставившим вопрос** о такой логике, которая опиралась бы на учение о **конкретном** понятии, о **синтетическом** суждении; автор далее поступает совершенно правильно, когда детально рассматривает **гегелевское решение** поставленного Кантом вопроса и когда затем исследует проблему в ее подлинно научном, т. е. в марксистском значении.

В первой главе автор исследует тот ход мыслей, который привел Канта к идее синтетического суждения, пред-

ставляющего собой большой шаг вперед по отношению к одностороннему эмпиризму и к одностороннему рационализму. Автор обнаруживает здесь способность к довольно тонкому анализу. Особенно обращает на себя внимание интересная мысль автора о большом значении идеи Канта **о связи суждений и категорий**. Действительно, рассмотрение суждений в аспекте разных категорий есть предпосылка для конкретного понятия, заключающего в себе ряд суждений, относящихся к разным категориям, к разным сторонам аспектам понятия. В этой идее Канта автор видит идею о **связи** между разными формами мышления (с. 26). Однако нельзя согласиться с автором, что идея связи суждений с категориями впервые в истории философии выдвинута именно Кантом. Задолго до Канта это было сделано Аристотелем, хотя, конечно, на более примитивной основе.

Далее автор довольно подробно анализирует тот ход мыслей, который привел Канта к идеалистической трактовке своего синтетического суждения, именно как априорного синтеза. Субъективно-идеалистическое истолкование синтетического суждения приводит Канта, как замечает автор, к целой куче неразрешимых противоречий. Одним из важнейших отрицательных последствий исходной субъективно-идеалистической концепции Канта является то, что, дойдя до великой идеи антиномий в человеческом разуме, Кант не оказался способным увидеть единство и взаимное проникновение членов антиномий.

Во второй главе целеустремленно и правильно излагается смысл и значение того громадного шага вперед, который в разработке идеи конкретного понятия был сделан Гегелем. Если Кант в антиномиях разума видел известный недостаток, то Гегель, напротив, видит в них достоинство разума, основу для дальнейшего образования синтетического, хотя и противоречивого, понятия. Автор удачно излагает гегелевскую критику кантовского субъективного идеализма

и агностицизма, отрыва логики от гносеологии, логических форм мысли от форм познаваемой действительности.

Особенное внимание автор уделяет гегелевской критике формальной логики за ее абстрактность в формализм. Автор очень удачно выделяет мысль Гегеля, что **логику надо оживить через метод**, и этим обнаруживает понимание того значения, которое должно иметь внесение в логику **методологической** проблемы (с. 55). Логика есть не нечто самодовлеющее, но **через метод** она обращена к познаваемой объективной действительности. Именно в свете метода познания становится ясным смысл классификации категорий: необходимо, чтобы последовательность в расположении категорий в общем и целом соответствовала той последовательности, которая требуется диалектическим **методом** познания.

С этой точки зрения автор рассматривает отношение между логикой формальной и логикой диалектической. Формальная, или рассудочная логика представляет собой, с точки зрения Гегеля, ступень в познании. Автор правильно подчеркивает, что с точки зрения Гегеля (и марксизма) формальная логика не отвергается, что отвергается только претензия сделать формальную логику единственным типом логики.

Имея в виду свою тему, автор обращает особое внимание на решение Гегелем, а затем и марксизмом, проблемы отношения между категориями *общее – особенное – единичное*: именно здесь сосредоточена проблема конкретного понятия. Автор правильно подмечает идею Гегеля, что если с точки зрения формальной логики различие между этими категориями понимается только с количественный, с чисто объемной точки зрения, то диалектическая логика понимает это различие также и прежде всего с качественной стороны (с. 53). Автор здесь неправ только в том смысле, что смешивает в этом вопросе взгляды традиционной формальной логики с взглядами создателя классической логики Аристо-

теля, – только в послеаристотелевской логике классическая качественная точка зрения на *общее – особенное – единичное* приобрела количественный смысл. Классическая логика Аристотеля и ставшая традиционной послеаристотелевская формальная логика – далеко не одно и то же.

Автор очень подробно останавливается на гегелевской критике рассудочного, т. е. абстрактного понятия, которое, по словам автора, «неспособно отражать истину» (с. 72), вследствие его односторонности и «огрубленности». Анализируется отличие абстрактно всеобщего от конкретно всеобщего. Последнее рассматривается как всеобщее, которое в себе заключает особенное и единичное. Автор много раз подчеркивает ту мысль, что всеобщее, взятое в отрыве от содержащегося в нём особенного и единичного, само становится не всеобщим, а односторонне особенным. Автор хорошо подчеркивает единство простоты и богатства в конкретном понятии, а также то, что тот тип связи, который имеется между всеобщим, особенным и единичным, отличается от рефлексивного («светит в свое другое») характера связи между сущностными категориями (с. 85).

Далее автор основательно критикует Гегеля за то, что он своим общеидеалистическим подходом губит жизненность, составляющую нерв учения о конкретном понятии.

В главе 3-й автор останавливается на марксистской критике гегелевского объективного идеализма. Диалектический материализм, – говорит автор, – «вскрывает тот пункт, где идеализм отрывается от действительности» (с. 103). Автор хорошо подчёркивает специальное значение **практики** в деле понимания конкретного понятия. Он критикует Гегеля за стремление выводить категории друг из друга вне связи мысли с практикой, с активной деятельностью людей. Хорошо сказано: «познать законы действительного мира означает по существу действовать на него» (с. 97), – при этом автор хорошо понимает и ту сторону дела, что воздействие

на мир становится возможным лишь на основе его познания.

4-я глава составляет суть работы, хотя многое уже было сказано и в предыдущих главах. Прежде всего представляет интерес рассуждение автора о **происхождении** деления понятий на конкретные и абстрактные. В связи с этим он приводит интересные иллюстрации из области физического мира и из политической экономики. Хочется подчеркнуть ссылку автора на ленинскую критику взглядов П. Струве, что имеет большое значение для рассматриваемого вопроса и для критики позитивизма. Смысл конкретного понятия автор видит в познании **целого**, которое дается путём восхождения от абстрактного к конкретному. Рассматривается отношение между абстрактным и конкретным с точки зрения закона об отношении между объемом и содержанием понятий. Автор настаивает на том, что в диалектической логике «снимается» формально-логический закон об обратном отношении между объемом и содержанием понятий и что здесь расширение содержания понятия связано с расширением его объема. Это анализируется на примере с развитием понятия «элемент».

Конкретность понятия автор анализирует в двух важных аспектах: в связи с проблемой *общее-особенное-единичное* и затем в связи с проблемой противоречивости конкретного понятия. Этот анализ представляет несомненный интерес, тем более, что анализ автора не остается только в сфере самой логики, но подкрепляется интересным анализом ряда проблем из разных областей науки.

Прочитав работу, приходишь к выводу, что автор вполне грамотный в общефилософском смысле и в смысле марксистской закалки человек. У него явно научный склад ума и его анализ интересен. Представленная работа бесспорно заслуживает того, чтобы видеть в ней довольно квалифицированную кандидатскую диссертацию. Она представляет

собой известный вклад в разработку диалектической логики. Но в этой области надо сделать ещё очень многое. В этой связи хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, которые перед нами стоят и над которыми впоследствии надо бы работать и автору настоящей работы.

1. Автору необходимо продумать вопрос о логическом значении понятия «категория», так как в этом вопросе и у него чувствуется та неясность, которая еще окончательно не устранена в нашей философской литературе. Формула «сокращенное отображение закономерностей объективного мира» говорит еще далеко не все об этом предмете и дает повод для смешения «категории» с «закономерностью». Все это надо конкретизировать.

2. Автор, говоря о положительном значении абстрактных понятий, ограничивается декларативным заявлением, но не объясняет этого положительного значения, что особенно нехорошо, если учесть ту энергичную критику, которой он подвергает «абстрактно-общие» понятия за их «пустоту». Автору надо подумать над вопросом перехода от абстрактно-общих понятиям к конкретным общим понятиям, имея в виду, что первые являются обязательной предпосылкой для вторых. Достаточно сослаться на идею Маркса о «зародыше» конкретного в абстрактном. Разработка конкретного понятия не может обойтись без специального и детального анализа позитивного значения абстрактно-общих понятий. Кроме того, надо выяснить разные аспекты абстрактности (общее-частное и часть-целое), а также связь между этими аспектами.

3. Вопрос о допущении диалектической логикой противоречий в мышлении решается автором, как нам кажется, несколько поспешно. Вопрос значительно сложнее, чем это кажется на первый взгляд. В этом вопросе у нашего автора, как и в нашей литературе, имеет место, как нам думается, некоторая подмена понятий. Тот факт, что формы

диалектической мысли построены противоречиво, совсем не говорит о том, что диалектическая логика считает нормальными и даже необходимыми противоречия между нашими суждениями и что именно в этом смысле она якобы противостоит формальной логике. Вопрос может быть решен, если мы больше задумаемся над логическим значением единства в общей формуле единства противоположностей. Автор прав, когда требует совместной истинности противоречащих суждений **в одном и том же отношении**, но весь вопрос в том, как понимать это «одно и то же отношение». При правильном понимании этого вопроса выясняются условия взаимной допустимости формальной логики и диалектической логики.

4. Для исчерпывающего исследования проблемы конкретного понятия автору надо было бы не брать в одни скобки категории особенного и единичного – это далеко не одно и то же. Конкретность еще со времени Аристотеля сосредоточена в особенном (категория вида), как узле, связывающем всеобщее и единичное. То, что автор сосредоточил внимание на категории особенного, выразилось, в частности, в том, что, сославшись на известную формулу Ленина об особом звене, за которое надо ухватиться, чтобы вытащить всю цепь, автор на ходу заменяет слово «особое» словом «основное», не вдумавшись в то, что искомое звено потому и стало основным, что оно является особенным.

Автор решил поставленный им вопрос в одном из первых приближений и решил квалифицированно. То, что им сделано, дает нам право думать, что в дальнейшей избранная им важная научная проблема будет им же разрабатываться с еще большим успехом.

Э.В. ИЛЬЕНКОВ (г. МОСКВА), Т. ДАУТОВ, А. ИСКАКОВ
(г. АЛМА-АТА)

Исследование диалектики и логики познания.
Ж. Абдильдин и др. Проблемы логики и диалектики познания.
АН КазССР. – Алма-Ата, 1963. – 385 с.*

Рецензируемая монография посвящена актуальным проблемам Логики – логики с большой буквы, диалектической логики, диалектики как подлинной логики современного научного мышления. Несмотря на то, что ее писали четыре автора и каждый раздел отличается и оригинальностью замысла и четко выраженной индивидуальностью стиля, книга производит впечатление хорошо и добротнo слаженного целого. Причина успеха прежде всего в том, что четыре автора книги развивают одни и те же, четко продуманные и ясно сформулированные принципы подхода к проблеме логики.

Ленинский тезис о совпадении логики с диалектикой и теорией познания, о том, что диалектика и есть логика, единственно соответствующая современному уровню научно-теоретической культуры, в книге не лозунг, не фраза, а действительно конкретно применяемый принцип, общий фундамент работы.

Удачным, на наш взгляд, оказался вводный раздел книги, написанный Ж. Абдильдиным, – «Становление учения о диалектике и логике познания». Это серьезный, весьма квалифицированный исторический очерк, показывающий, что марксистско-ленинское понимание самой проблемы логики как науки – ее предмета, круга

---

* Опубликовано в журнале «Вопросы философии». – 1965. – № 2.

ее проблем и путей их решения – вырастает на основе всей предшествующей истории философской мысли и продолжает ее лучшие, наиболее плодотворные традиции. Естественно, что пристальное внимание автора привлекает немецкая классическая философия Канта и Гегеля, их огромная роль в истории логики как науки. Автор справедливо усматривает главную заслугу Канта в том, что он подверг анализу – впервые в истории логики – специфически логическую роль категорий в процессе образования теоретических суждений, и в этом направлении мысли Канта видит наиболее плодотворную тенденцию его философии. Именно тут начинается та столбовая дорога развития логики, которая в конце концов – через Гегеля – вывела эту науку из тупика формализма и привела к пониманию логики как науки о всеобщих и необходимых определениях всякого объективно истинного мышления, к тому пониманию, что категории и законы диалектики, прорисовывающиеся в долгом и трудном развитии духовной культуры человечества, и есть подлинно логические определения.

Этот тезис доказывается и в разделе Ж. Абдильдина и в других разделах путем анализа не только основных тенденций историко-философского процесса, но и фактов современной психологии и лингвистики. Богато и всесторонне используются здесь работы А.Н. Леонтьева, Ж. Пиаже, Д. Узнадзе, А.Р. Лурия и многих других отечественных и зарубежных исследователей.

Здесь рассматривается именно логика, ее определения, категории, а не те «внешние» – языковые – формы, в которых она реализуется в голове индивида. Здесь исследуется именно проблема понятия, а не термина; проблема действительного умозаключения, а не проблема связи знака со знаком; проблема подлинного доказательства, а не подsunутая вместо нее проблема формального следования «выводов»

из «посылок». Здесь формально-знаковая действительность мысли не загораживает ее подлинную действительность, а раскрывает ее в «специфической» форме.

Диалектическое рассмотрение проблемы всеобщего – особенного – единичного как специальной проблемы логики принадлежит к числу тех, которые рассматриваются в монографии особенно тщательно и всесторонне. Все четыре ее автора, так или иначе, с разных и дополняющих друг друга сторон ее касаются, развивая понимание этой проблемы на материале и истории философии, и лингвистики, и антропологии, и математики, и политической экономии.

Этот план работы можно смело расценить, не рискуя впасть в преувеличение, как серьезный вклад в разработку диалектической логики, *мимо которого теперь* не может пройти ни один автор, пишущий о логике. Здесь не упущена, пожалуй, ни крупница того, что до этого было достигнуто нашей литературой по данному вопросу, и сделан шаг вперед по сравнению со всем предыдущим. Во всех разделах книги подробно разработан вопрос и о соотношении абстрактно-общего с конкретно-всеобщим, и вопрос о соотношении теоретической всеобщности понятия с эмпирической стадией отражения общего в сфере словесно зафиксированного представления, и проблема теоретического синтеза общих определений в составе систематически развернутой теории. Интересным и обработанным представляется также и анализ связи этих категорий с проблемой «целого» и путей его исследования, с проблемой отражения «целого» в его собственных «частях», что, несомненно, представляет собой актуальнейшую логическую проблему, вырастающую перед современной наукой в связи с успехами и трудностями биологии, бионики, политэкономии и других дисциплин, имеющих дело с явно выраженным «органическим» единством строения, структуры.

Важным, хотя и не столь подробно разработанным, аспектом изучения логических проблем движения знания выступает в книге и проблема противоречия. Ее касается Ж. Абдильдин в связи с рассмотрением проблемы понятия и М. Баканидзе – в ходе рассмотрения вопроса об умозаключении и доказательстве. Оба автора затрагивают в этой связи и вопрос о различии гегелевского подхода к проблеме противоречия и диалектико-материалистического ее решения.

Особенно хочется отметить хороший, выразительный язык, литературный стиль книги. Но это, конечно, следствие. Следствие того, что авторам есть что сказать читателю, есть о чем сказать, в чем им хочется его убедить, иногда переубедить. Это не повторение пройденного, прочно установленного, штампованного. Это – исследование, поиски, выражающие себя также и в «языке». Язык этот образный и в то же время точный. Авторы умело и тактично включают в свою речь остроумные и меткие афоризмы и Платона, и Спинозы, и Гегеля, и обороты народной мудрости, и литературные образы, помогающие «распредметить» рафинированно-теоретические формулы. Это хороший, настоящий русский язык. Не про каждую книгу, изданную в Москве или Ленинграде, можно это сказать.

Общее впечатление от прочитанной книги таково, что авторов ее хочется просто поздравить и не хочется в чем-то упрекать, хотя, конечно, при строгом чтении поводы для упреков найти можно. Это, в частности, повторы не только в рассуждениях, но даже и в оборотах речи, в цитатах. Это досадные пробелы в историко-философском анализе. Не проанализирована, в частности, роль Фихте и Шеллинга в эволюции логики от Канта к Гегелю (в разделе Ж. Абдильдина). Это явно выраженный крен в сторону анализа естественнонаучного мышления, перевешивающий анализ опыта мышления в области наук общественных, что,

Зарубежная оценка трудов академика Ж.М. Абдильдина

впрочем, можно оправдать тем, что, большинству ранее вышедших книг по диалектической логике можно сделать упрек противоположного характера. Правда, и «Капитал» Маркса и примыкающие к нему работы Ленина и здесь используются в достаточной мере. Учитывая, что это первая, и надеясь, что это не последняя работа сильного и дружного авторского коллектива, хочется пожелать ему всяческих успехов на будущее.

Л.Д. ГЛЕБОВ, З.М. ОРУДЖЕВ (г. МОСКВА)

На малоисследованную тему

Ж. Абдильдин. Проблема начала в теоретическом познании.
– Алма-Ата: изд-во «Наука» АН КазССР, 1967. – 366 с.

Одна из важных проблем диалектической логики до сих пор не была предметом специального исследования. Мы имеем в виду проблему начала теоретического познания. Многочисленные попытки построить целостную, логически последовательную систему категорий и законов материалистической диалектики, связанные с поисками принципов построения подобных систем на основе анализа различных типов развивающегося научного знания, должны были неизбежно подвести к пониманию всей сложности и многогранности проблемы его начала.

Рецензируемая книга является первой работой, в которой предпринята попытка наиболее полно рассмотреть эту проблему. Причем автора интересует не только построение абстрактной модели элементарной «клеточки» всякой научной теории (хотя проблема «начала» и проблема «клеточки» полностью не совпадают), но и ее живое воплощение в сложных областях современной науки.

Ж. Абдильдин прежде всего прослеживает разработку некоторых элементов понятия начала в истории философии со времен античности до Гегеля. Однако историко-философский анализ, содержащийся в книге, не совсем полный. К сожалению, в ней ничего не сказано о взглядах Ф. Бэкона, представляющих в этом плане большой интерес. Бэкон специально ставит проблему начала во второй части «Нового органа», критикуя дедуктивную логику и

противопоставляя ей свой индуктивный метод. Очевидно, что эмпирическая постановка вопроса о начале Ф. Бэконом стала необходимым звеном в истории становления диалектико-материалистического понимания начала научно-теоретического познания..

Рассматривая соотношение начала и теоретического знания, автор ищет решение этого вопроса в анализе объективно существующих конкретных, развивающихся систем. В результате такого подхода он формулирует основные характерные черты исходного понятия науки, выражающего всеобщую основу бытия и движения предмета. Основными характеристиками н а ч а л а, по мнению автора, являются: элементарная конкретность, единство всеобщего и единичного, противоречивость.

Элементарная конкретность свойственна объективной действительности, она проявляется в виде непосредственного, наиболее общего, то есть всеобщего, элемента системы, элемента, представляющего собой некоторую конкретность, единство противоположностей, противоречие. Анализ этой элементарной конкретности, «клетки» позволяет обнаружить в ней «единство всеобщего и единичного, материи и формы, положительного и отрицательного и дает возможность понять и теоретически выразить всю систему в целом» (с. 197). Конечно, сама элементарность как эмпирического, так и исходного понятия, подчеркивает автор, относительна: вне исторически определенной системы говорить об элементарности начала не имеет смысла. Будучи элементом объективно реальной, содержательной системы, начало не более непосредственно для чувственного восприятия, чем любой другой элемент этой же системы. Непосредственность н а ч а л а означает в данном случае отсутствие в нем «содержания системы», которое опосредствуется процессом становления, формирования самой системы,

а в теоретическом мышлении – процессом восхождения от абстрактного к конкретному. К сожалению, эти (на наш взгляд, верные) положения в работе Ж. Абдильдина изложены недостаточно четко и ясно: в ней много частных отступлений от основной темы, ненужных повторений.

Принципами обоснования начала автор считает целостный подход, независимость исходного понятия от других понятий системы, когда истинность этого исходного понятия доказывается возможностью выведения из него всей системы: «...Начало выступает как то, что самообосновывает, как бы самодоказывает себя в системе. Если невозможно реализовать теоретическое восхождение, исходя из данной определенности предмета, то это может свидетельствовать только о том, что эта определенность в системе вовсе не является всеобщим, исходным началом системы» (с. 286–287). В то же время автор исключает всякую возможность допущения абсолютной независимости чисто логического построения теоретической системы от эмпирически данной совокупности фактов. Исходное понятие науки не может обуславливаться лишь соображениями, касающимися его логического соответствия более сложным понятиям системы. Автор справедливо указывает на принцип совпадения логического и исторического способов рассмотрения предмета как на основу, обеспечивающую подведение под главные понятия системы (в том числе и исходное понятие) прочного фундамента фактических данных.

На наш взгляд, автор недооценивает эмпирический этап формирования исходного понятия науки, который, безусловно, существовал. Нельзя образовать содержательное понятие, являющееся источником теоретической системы, не принимая во внимание уже существующее абстрактное определение, фиксирующее момент эмпирического сходства в предметах. Очевидно, например, что, прежде чем было выработано научное, содержательное понятие

стоимости, уже существовало эмпирическим путем полученное понятие (или абстракция) меновой стоимости. Таким образом, образование эмпирического понятия предшествует его научной разработке и является как бы предпосылкой этой разработки.

Вместе с тем, Ж. Абдильдин удачно иллюстрирует недостаточность формально-логического построения целостной системы понятий: аксиоматическая логика, например, не может обосновать необходимость начал, на которых базируется теория. Подчеркивая односторонность аксиоматической логики, Ж. Абдильдин правильно указывает на то обстоятельство, что она каждый раз вынуждена выходить за свои собственные рамки в поисках дополнительных аксиом, что получило выражение в известной теореме Гёделя.

В этой связи, на наш взгляд, небезынтересно сравнить эти рассуждения с высказываниями Маркса в «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» о границах чисто логического, теоретического отражения предмета. Маркс считал, что чисто логическое движение познания не является абсолютным и имеет свои границы, за которыми на передний план выступает историческое рассмотрение вещей. Маркс видел значение такой постановки вопроса и в том, что она сразу же позволяет обнаружить сомнительность абсолютной независимости и самостоятельности гегелевского понятия по отношению к объекту познания. В то же время такая постановка вопроса помогает уяснить роль аксиоматического подхода в любом аспекте научного знания, в том числе и в аспекте, рассматриваемом в данной книге.

Развитие теории неизбежно видоизменяется в результате включения извне каких-то приходящих элементов (понятий), не выводимых из предшествующих предпосылок данной теории. Так, товар и деньги – необходимые (и исторические и логические) предпосылки возникновения

капитала, прибавочной стоимости. Но рабочая сила как товар из них не выводится и не может быть выведена логически. Для того, чтобы капитал мог образоваться в сфере товарно-денежного обращения, рынка, очевидно, в этой сфере должен был появиться специфический товар, который коренным образом изменил природу этого рынка, сделал его капиталистическим. Причины, приведшие к появлению этого специфического товара, лежат вне рынка, который существовал с древнейших времен, но не порождал рабочей силы как товара. Аналогичный пример рассматривает и автор в конце книги. Специальная теория относительности, пишет он, выведена из принципа относительности, созданного в рамках классической механики. Но она не может быть выведена из этого принципа чисто логически, ибо перейти таким образом от принципа относительности к постулату о постоянстве скорости света невозможно. Чисто логическое, теоретическое исследование должно было в этом месте оборваться, уступив место экспериментальному, фактическому. Постулат о постоянстве скорости света, возникший из иных предпосылок, привел к релятивистским эффектам (выводам), прямо противоположным тем, к которым приводил традиционный принцип относительности как таковой. Эта дискретность логического выведения теоретической системы из начальных предпосылок, понятий обнаружилась и при переходе от евклидовой геометрии к неевклидовой, «первоначальное накопление» которой совершалось вне русла логического развития евклидовой геометрии.

Последний раздел книги Ж. Абдильдина посвящен анализу понятия начала в теории относительности и в квантовой механике. Здесь автор предпринял интересную попытку применить свои общетеоретические положения к важнейшим разделам современной физики. Он отдает дань

распространенному среди некоторых физиков мнению, будто вероятностная интерпретация квантовой механики исключает детерминистскую. Правда, автор делает оговорку относительно того, что в квантовой механике не может идти речи о лапласовском детерминизме. При достаточно четком различении понятий причинности и вероятности должно быть ясно, что их противопоставление неправомерно. Эти понятия выражают различные виды всеобщих связей действительности, хотя внутренняя связь между ними несомненна. Поэтому точка зрения Эйнштейна и отчасти де Бройля, разделяющих детерминистскую интерпретацию, на наш взгляд, вряд ли является «непродуктивной концепцией», как полагает автор. Копенгагенская интерпретация квантовой механики также является односторонней, так как она не объясняет и не пытается объяснить более сложные явления (нуждающиеся в статистической трактовке) на основе более простых (теорема Неймана). Трудно согласиться и с мнением Ж. Абдильдина о «завершенности» квантовой механики.

По нашему мнению, автор не совсем прав, когда утверждает, что пер-воначальным и «всеобщим, исходя из которого возможно понимание природы микроявлений, является квант действия, корпускулярно-волновая природа микроявлений» (с. 207). Корпускулярно-волновой дуализм определяет ту специфическую форму, в которой проявляются квантово-механические процессы, и поэтому он не может служить началом этой теории. Ведь понятие начала должно выражать не специфические отношения в исследуемом предмете, а отношения общие данному предмету и менее сложному, подобно тому, как понятие товара выражает отношения, свойственные не только капиталистическому обществу, но и предшествующим формациям. Мы, конечно, не можем здесь предложить своего решения вопроса о начале в квантовой механике;

это, по-видимому, задача дальнейших исследований, методологической основой которых, как нам кажется, могут послужить положения, выдвинутые Ж. Абдильдиным в общей части книги.

Однако, несмотря на указанные недостатки, ее следует отметить как глубокое, интересное исследование по диалектической логике.

В.С. МОЛОДЦОВ, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ
ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА ФИЛОСОФСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА МГУ, ПРОФЕССОР

*Отзыв на книгу Ж.М. Абдильдина
«Проблема начала в теоретическом познании»,
представленную в качестве докторской диссертации
(4 апреля 1968 г.)*

Работа Ж.М. Абдильдина посвящена анализу важной и мало разработанной проблемы диалектической логики – проблемы исходного пункта, начала теоретического знания. Вопрос об исходном пункте теоретического анализа действительности, о его логико-методологических критериях, о его философско-гносеологической природе представляет значительный теоретический интерес и имеет весьма серьезное практически-методологическое значение для научного исследования. Эта проблема всегда находилась в центре внимания философии и логики научного познания. Столь же актуальный характер эта проблема имеет и в современном философском и конкретно научном познании. Работа Ж. Абдильдина является первой попыткой в советской философской литературе рассмотреть эту проблему всесторонне и глубоко на монографическом уровне.

Книгу Ж.М. Абдильдина действительно характеризует всесторонность, полнота, тщательность, можно даже сказать, скрупулезность рассмотрения проблемы. Нет такого ее аспекта, который был бы не только не затронут в книге, но и не рассмотрен со всей тщательностью, с привлечением всех имеющихся источников, с анализом всех возникающих трудностей и вопросов. Тов. Абдильдина как исследователя в этой книге, прежде всего, характеризует

исключительная добросовестность и серьезность отношения к теме исследования. Автор выбрал исключительно широкий и потому накладывающий на него большие обязательства диапазон исследования – он прослеживает постановку проблемы начала в истории философии, дает логико-методологический анализ понятия начала и связанных с ним проблем в позитивном плане с позиций диалектического материализма и, наконец, дает анализ проблемы начала как исходного пункта теоретического исследования, как она выступает в современной физике – в теории относительности и в квантовой механике. Такая широкая постановка задачи – как охват материала, который необходимо было в соответствии с такой задачей проанализировать, так и обилие, сложность и многообразие теоретических проблем – предъявляла, очевидно, к автору весьма серьезные требования и в отношении эрудиции, и в исследовательском отношении. Внимательное ознакомление с книгой показывает, что автор в основном успешно справился с возникшими перед ним задачами. Книга Ж.М. Абдильдина представляет собой серьезное, тщательное, хорошо аргументированное, оригинальное исследование крупной философской проблемы, имеющей свою долгую историю, сложное теоретическое содержание и являющейся актуальной в методологическом отношении.

Монография состоит из введения и шести глав. Первые две главы посвящены проблеме начала в истории философии. В главе I «Генезис понятия начала в философии» рассматривается проблема начала в истории античной философии. Автор тщательно исследует развитие представлений о начале в античной философии, выделяет в ней две основные линии: понимание начала как чувственно-конкретной определенности и как всеобщего, попытку синтеза которых он усматривает у Аристотеля. Глава II «Становление конкретного (диалектического) представления

о начале» посвящена рассмотрению истории понятия начала в философии нового времени и в немецком классическом идеализме (Кант и Гегель). Автор указывает, что в новое время проблема начала приобрела форму противоречия между рациональным знанием и опытом. Попытку синтеза принципов рационализма и эмпиризма предпринял основоположник немецкой классической философии Кант в своей концепции синтетических априорных суждений. Ж.М. Абдильдин справедливо указывает на ограниченность чисто негативной оценки кантовского учения о синтетическом суждении априори как следствия его гносеологического дуализма и отмечает, что основным смыслом этого учения заключается в признании противоречия как основы теоретического знания (с. 88). Вместе с тем тов. Абдильдин в некоторых пунктах переоценивает положительное значение Канта для истории диалектики. Историко-философский очерк проблемы начала (главы I и II) написаны автором в целом на высоком уровне, автор уверенно ориентируется в историко-философском материале, видит и понимает историко-философские проблемы. На наш взгляд, однако, можно было бы более пристально рассмотреть отношение проблемы начала к проблеме субстанции в философии нового времени, а также резче оттенить известную специфику проблемы исходного знания в гносеологии нового времени. Глава III посвящена анализу значения исходной категории диалектического материализма – материи – для решения проблемы начала. Не повторяя общеизвестные истины, автор поднимает здесь ряд кардинальных проблем, связанных с философским понятием материи, обоснованно высказывает свою точку зрения по ряду сложных, дискуссионных вопросов, в частности, по вопросу о предмете космологии, раскрывает конкретно-всеобщую природу понятия материи в марксистской философии, причем анализирует содержание этого понятия не только по отношению к природе, как это

часто делается в нашей философской литературе, но и по отношению к обществу, к «социальной материи», критикует идеалистические взгляды.

В главах IV и V находит свое выражение основное теоретическое «ядро» концепции автора. Они посвящены положительному анализу содержания категории начала, как она выступает в теоретическом познании. Автор исходит из того, что диалектико-материалистическая логика, не ограничиваясь отрицанием начала мира в целом и опровержением «абсолютного начала» старой метафизической философии, положительно доказывает продуктивность понятия начала, исходного пункта в анализе конкретных, развивающихся систем и в духовно-теоретическом их воспроизведении в логике мышления (с. 171). Вопрос о «начале» как об исходном пункте теоретического воспроизведения действительности ставится Ж.М. Абдильдиным в контексте исследования метода восхождения от абстрактного к конкретному, нашедшего свое классическое воплощение в «Капитале» Маркса. Автор подчеркивает, что в противоположность различным формам идеализма и формалистическим концепциям логики, в которых в основном рассматриваются внутренние взаимосвязи элементов теории вне их отношения к действительности, в диалектическом материализме с самого начала подчеркиваются объективные взаимосвязи, логика предмета и его отношение к логике теории. «Начало» поэтому выступает не только логически исходным пунктом в развитии системы знания, но представляет собой первичный момент в развитии связей объективной действительности. Диалектика, выступающая как общая теория объективного развития, составляет основу диалектико-логической теории воспроизведения в мысли развивающегося объекта. Исходя из этих положений, Ж.М. Абдильдин выделяет следующие признаки «начала». 1. Начало как элементарная кон-

кретность. Он отмечает, что в диалектическом материализме понятие начала понимается не как мысль (абстракция), а как непосредственная, наиболее всеобщая, элементарная конкретность данной системы. Диалектико-логическое понимание начала в отличие от рационалистического и эмпирического понимания его, в противоположность позитивизму и аксиоматическим представлениям, рассматривает исходный пункт как нечто синтетическое и конкретное. 2. Начало представляет собой диалектическое единство всеобщего и единичного. Оно является не просто общим, которое абстрактно противоположно единичному, и не единичным, существующим вне всеобщего, а есть единство всеобщего и единичного. 3. Важнейшей определенностью начала является его внутренняя противоречивость, обусловленная тем, что начало является элементарной конкретностью. При исследовании всех этих вопросов автор привлекает богатый материал из истории науки – политэкономии, биологии, истории первобытного общества, анализирует примеры из работ выдающихся ученых, неоднократно обращается к анализу «Капитала» Маркса и т. д. Он разбирает также и подвергает критике идеалистические и метафизические концепции в трактовке проблемы начала, в том числе критикует взгляды современных позитивистов.

Глава V посвящена принципам обоснования начала. Автор анализирует этот вопрос на основе учения диалектико-материалистической логики о всеобщем как о конкретно-всеобщей определенности, лежащей в основе развития конкретного целого. Ж.М. Абдильдин рассматривает ряд интересных вопросов, связанных с диалектико-материалистической методологией исследования конкретных развивающихся целых, в частности, вопрос о путях выделения объекта как конкретной, внутренне связанной системы, отвлеченной от привходящих, внешних сторон

предмета, вопрос о выделении из множества разновидностей единичностей, в которых экземплифицируется данное конкретное целое, единичности, являющейся воплощением «классической формы предмета», каковой для марксова анализа капитализма явился, например, английский капитализм. Автор высказывает здесь немало интересных и оригинальных соображений, имеющих актуальное значение для разработки диалектико-материалистического метода. Обоснование начала Ж.М. Абдильдин трактует как самообоснование в процессе дальнейшего развития мысли. Началом оказывается такая определенность объективной системы, исходя из которой возможно реально теоретически восходить к более конкретным определенностям предмета. Это развертывание начала в целостный предмет в процессе теоретического построения основано на диалектико-материалистическом принципе единства логического и исторического. Как отмечает автор, если целостная система содержит в себе всю свою историю в свернутом виде, то логический анализ этого конкретного целого и выявление всеобщего элемента в нем может совпадать с исходной и зародышевой формой системы в историческом развитии. То, что является первым в истории, служит первым также в логике, так как существует диалектическое совпадение истории и логики.

Глава VI посвящена анализу принципа начала в теории относительности и в квантовой механике. Пафос этой главы заключается в том, чтобы показать действенность диалектико-материалистической методологии в области естествознания. Автор указывает, что плодотворность и необходимость применения логического метода Маркса к социальным и органическим объектам не вызывает сомнения, однако, как справедливо замечает он, все еще слабо освещено в литературе значение диалектической логики, логики «Капитала» в исследовании, теоретическом

понимании физических объектов. Ж.М. Абдильдин ставит перед собой задачу заполнить этот пробел. Он считает, что, если пристально проанализировать природу, характер современных физических теорий, то ясно выявляется то, что при всем отличии физических систем от органических и социальных, в области физики господствует подобная же логика и методология (с. 308). Надо признать, что автор проявляет при этом хорошее знание основных представлений классической физики, теории относительности и квантовой механики, их истории и возникавших в них серьезных концептуальных и методологических проблем. В то же время, как нам представляется, проблема применения ряда важнейших положений диалектико-материалистической логики «Капитала» к анализу физических проблем, таких, в частности, положений, как принцип выделения начала как самообосновывающего определения в дальнейшем развитии, принципа конкретно-всеобщего, органической системы и пр., требует еще своей серьезной разработки.

Речь идет не о каком-то сомнении в наличии общих элементов в теоретическом подходе Маркса и современных физиков – наличие таких общих элементов бесспорно, и Ж.М. Абдильдин своим анализом еще раз подтверждает их существование. Проблема, на наш взгляд, заключается в другом – в возможности широкого применения развитого Марксом в «Капитале» метода как целостной системы приемов и принципов теоретического исследования с его специфическими чертами. Именно эта проблема требует, на наш взгляд, своего дальнейшего более углубленного анализа.

К работе Ж.М. Абдильдина можно предъявить и некоторые другие пожелания. Так, в историко-философском разделе можно было бы больше сказать о взглядах французских материалистов, можно было бы полней раскрыть значение Фихте для формирования

диалектического понимания начала, больше внимания можно было бы уделить анализу понимания исходного базиса теории при аксиоматически-дедуктивном построении, более тесно связать историко-философский очерк с анализом проблемы с позитивных позиций и пр. В тексте можно отметить ряд стилистически неудачных выражений (например, с. 265, 275, 292, 322). Но все эти, в общем, незначительные замечания не влияют на оценку работы в целом – монография тов. Абдильдина является серьезным вкладом в советскую литературу по диалектической логике, и ее автор бесспорно достоин присуждения ему степени доктора философских наук.

Б.М. КЕДРОВ, АКАДЕМИК АН СССР (г. МОСКВА)

О разработке материалистической диалектики*
(1973 г.)

... Третий коллектив наметился вне Москвы – в Алма-Ате. Его надо активно поддержать, тем более что его участники ближе всего, пожалуй, подошли к основной идее Ленина, согласно которой диалектику и ее теорию нужно разрабатывать с помощью метода восхождения от абстрактного к конкретному. Но в данном случае получается несколько странная картина: все науки без исключения излагаются в порядке восхождения от исходной «клеточки» ко все более сложному, развитому предмету, кроме самой диалектики. Ленин говорил, что и диалектику надо излагать именно таким методом. Однако она очень часто не излагается так, как этого требовал Ленин. Философы-алмаатинцы – Ж.М. Абдильдин, А.Н. Нысанбаев и другие – взялись за это дело и выпустили ряд работ. Назову две из них: это «Проблема начала (то есть «клеточки». – Б.К.) в теоретическом познании» (1967) и совсем недавно вышедшая очень интересная работа «Диалектико-логические принципы построения теории» (1973). Обе работы показывают, что указанный коллектив, хотя и небольшой по численности, созрел для того, чтобы в этом направлении разрабатывать теорию диалектики...

---

* Отрывок из статьи, опубликованной в журнале «Вопросы философии». – 1973. – № 9.

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ (г. МОСКВА)

Ж. Абдильдин, А. Нысанбаев.

*Диалектико-логические принципы построения теории.
– Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1973. – 420 с.**

В последние годы исследования в области методологии науки заметно активизировались. Это особенно относится к анализу науки средствами логики – науки, ориентирующейся на воспроизведение фрагментов структуры знания формально-логическими методами; в то же время сравнительно невелико количество работ, посвященных анализу методологии на чисто философском уровне, в рамках исследования диалектики как логики и теории научного познания.

Стремясь восполнить этот пробел, авторы рецензируемой книги пишут о необходимости исследования диалектико-логических принципов построения и развития научной теории, основные идеи которых изложены К. Марксом в «Капитале» и В.И. Лениным в «Философских тетрадах» и других работах. Замысел авторов интересен прежде всего тем, что, не задаваясь ригористичной целью экспликации понятия конкретно-научной теории, они стремятся по существу построить понятие философской теории исходя из марксистского тезиса о человеческой предметной деятельности, а затем рассмотреть проблемы формирования и развития специально-научных теорий на категориальном уровне применительно к физике и математике. Авторы указывают на тесную связь частных научных теорий с производством и предметной деятельностью общественного субъекта, сразу же констатируя включенность понятий и

---

* Опубликовано в журнале «Вопросы философии». – 1974. – № 7.

теорий в широкую общественную практику. Аналогично тому, как процесс труда угасает в продукте, который в свернутом виде содержит весь предшествующий процесс деятельности, так и понятия, теория аккумулируют в себе весь предшествующий процесс их формирования.

В книге выдвигается мысль, что важнейшей чертой теории является сведение многообразного к единому, выявление всеобщих условий конкретной целостности. Поэтому в теории важное значение придается исходным понятиям, поскольку дальнейшее развитие теории опирается на них. Самими же принципами построения теоретического знания представляются метод восхождения от абстрактного к конкретному, содержательная дедукция, исследование сущности независимо от форм проявления, принцип диалектического противоречия.

Выделение предметной области познания также квалифицируется авторами как результат процесса предметной деятельности людей, причем указывается, что необходимо найти ту систему, относительно которой реально существует предмет, и подвергнуть его теоретическому анализу. Хочется отметить, что, анализируя аспект практики как критерия истины и удачно апеллируя к анализу Эйнштейном понятия «одновременности» (необходимость учета системы отсчета), авторы все же несколько расширительно истолковывают воздействие предметно-практической деятельности на внутреннюю логику развивающегося знания. Небесспорной представляется трактовка ими объекта и предмета познания.

Наиболее благоприятное впечатление производят страницы, посвященные теоретическому анализу первоначального целого и выявлению исходного пункта теории, критериев и способов его нахождения. Вопрос об элементарной конкретности перерастает в вопрос о средстве выявления всеобщей абстракции данного конкретного

целого, об обосновании субстанционального принципа теории. В книге выдвигается тезис, что в ходе познания глубинных связей предметов и явлений теоретическое мышление проходит следующие ступени: выявление отношений твердоустановленных фактов к первоначальному обобщению и нахождение закономерности явлений, а в дальнейшем сведение этой закономерности к истинной причине явлений, субстанции. Следовательно, выявление субстанции оказывается фундаментальной задачей научной теории. Как пример продуктивности принципа субстанции – субъекта авторы анализируют квантово-релятивистские воззрения Дирака, дарвиновскую теорию развития видов и марксову теорию общественного развития.

В связи с этим возникает вопрос об обосновании основного понятия теории, о рассмотрении сущности независимо от форм проявления. Трактую сущность как особую форму развития субстанции, которая имеет всеобщее значение в данной системе, авторы следующей задачей теории полагают воспроизведение целого как результата саморазвития субстанции, прослеживание противоречивого развития, формообразования, раскрытие опосредствующих звеньев и т. д. Можно соглашаться или не соглашаться с подобной трактовкой принципа единства диалектики, логики и теории познания, однако авторская точка зрения проводится достаточно убедительно, причем, помимо естественнонаучного материала и «Капитала» Маркса, они привлекают работы В.И. Ленина и данные современной общественной практики.

Первые три главы работы могут быть рассмотрены и как своеобразная попытка анализа некоторых аспектов создания теории материалистической диалектики, которая должна синтезировать историю познания, результаты современной науки и практической деятельности. Поэтому анализ диалектических подходов к построению научной

теории вообще неминуемо перекликается с задачей построения собственно философской теории, и результаты, полученные в этом направлении, позволяют авторам совершенно недвусмысленным образом ориентировать развитие работ этого плана по определенному пути. Систематическое проведение смысловых параллелей между развитием философской логики и данными естествознания также демонстрирует большую степень эвристичности диалектических идей для специальных научных дисциплин.

Большой интерес вызывает анализ дискуссий о логике теории относительности Эйнштейна, о внутренней связи и субординации ее категорий. Полемизируя с точкой зрения акад. А.Д. Александрова о «перевернутости» логики теории относительности, авторы, на наш взгляд, правомерно проводят мысль, что невозможно с самого начала постулировать абсолютное единство пространства и времени, так как оно есть результат определенного этапа теоретического познания предмета, поэтому действительный выход из трудности состоит не в критике логики теории относительности, а в диалектическом осмыслении понятия системы отсчета, позволяющем преодолеть позитивистские извращения.

Интересны страницы, посвященные проблеме анализа специфики математического знания. С самого начала здесь делается упор на доказательство того положения, что математическое знание принципиально подчиняется общенаучным принципам построения. Несмотря на специфичность математики, в ней принцип развития играет такую же методологическую роль, как и в других науках.

В книге ставится принципиальный вопрос о предмете современной математики. Справедливо критикуя точку зрения, согласно которой преобразование математики из науки о числах и величинах в науку о математических

структурах приводит к тому, что математика – это уже не наука о количестве, так как современные математические структуры чрезвычайно абстрактны, идеализированы, иерархичны, относительно устойчивы, статичны и аксиоматизированы, авторы, отталкиваясь от анализа природы философской категории количества, приходят к важному выводу о том, что понимание математики как науки о количестве вообще не может устареть, ибо это понимание связано с признанием объективной реальности, отражаемой с помощью системы математических понятий, что саму математическую структуру можно рассмотреть как один из видов «определенного» (в гегелевском смысле) количества, неизвестного математике XIX века.

Интересна попытка применить идею восхождения от абстрактного к конкретному к материалу математики, к анализу объединительных, синтезирующих теорий все более высокого порядка. Вычленяется феномен относительной самостоятельности развития математических теорий, включающий в себя внутреннюю логику развития, систематизацию знаний, борьбу противоположных мнений, взаимодействие структурных элементов знания, преемственность научных идей и гипотез, многоступенчатых абстракций и идеализацией и т. д. (см. с. 283). С этой точки зрения выделяется два класса проблем, интересующих математику: 1) внутренние проблемы, сводящиеся к совершенствованию логических основ математики; 2) внешние, интертеоретические проблемы, выдвигаемые приложениями математики и подразделением всей математики на абстрактную и прикладную. Здесь обоснованно раскрывается мысль о том, что прогресс математического познания связан не только с внутринаучными стимулами развития, но также и с общекультурными устремлениями эпохи, демонстрируя социальную детерминированность свободы математического творчества.

Примечательно стремление авторов проанализировать методологические принципы взаимодействия математических теорий в связи с проблемой формирования нового знания. В результате тщательного исследования этого вопроса выявляется общая закономерность – принцип соответствия, несущий важную регулятивную функцию и представляющий в качестве одной из форм теоретического синтеза в науке. Существенным в этом принципе оказывается понятие предельного перехода, регистрирующее грань взаимоперехода старых и новых теорий. Аналогично принципу соответствия в генетической структуре знания вычленяется принцип перенесения, экстраполирующий понятия, законы, методы теории в принципиально новую область, а также тесно связанный с ним принцип перманентности, причем выдвигается тезис о смысловой общности этих принципов.

Как особенность эвристического взаимодействия математических теорий авторы выделяют в функциональной структуре знания «принцип конфронтации». Противоречивость теорий, «противоречия встречи» математики и формальной логики, анализа и геометрии, алгебры и топологии, «кольцевые конструкции» в физике предстают в качестве источника вычленения принципиально нового знания. Большой интерес представляет классификация этапов конфронтации теоретических систем: 1) этап создания основной идеи, благодаря которой различные периферийные «точки» теории смыкаются воедино и образуется замкнутая и уплотненная концептуальная система; 2) конфронтация старой достоверной теории с новыми гипотетическими представлениями; 3) поиски принципов новой теории через синтез наличных теоретических систем.

Внимание читателя привлекут страницы, посвященные анализу принципа противоречия в математике. Обосновывая

наличие противоречий как источников порождения синтетического знания в ткани математического познания, авторы выделяют следующие типы противоречий в развитии математики: противоречие между содержательным строением знания и его формальной непротиворечивостью, расщепление математики на математику формальную и математику содержательную; противоречие между старой и новой теорией, теорией конечных чисел и теорией бесконечных множеств, геометрией Эвклида и Лобачевского, противоречие между дискретностью и непрерывностью развития понятия числа от натурального к дробному, отрицательному, рациональному и т. д.; противоречие между математической теорией, опытом, фактом и его обобщением, фактическим основанием науки и теоретической, понятийной ее частью.

Давая оценку математическим разделам книги, уместно привести следующее высказывание, характеризующее основную мысль авторов: «...Любая система аксиом желает охватить слишком много, но принципиально никак не может сделать этого. Всегда можно найти вещи, которые от нее ускользают, а нежелательные, фиктивные вещи в нее проникают. Вот эта «ничтожная мелочь», постоянно пренебрегаемая, ускользающая, устраняемая из формализованной теории, и является сущностью исследуемого объекта. В ней заключена вся диалектика, ее ядро – закон противоречия. Например, проблема расходимостей в современной физике, великая теорема Ферма, проблема Гольдбаха в арифметике, гипотеза континуума в теории множеств, решение уравнений пятой степени в радикалах и т. д. ускользают из научной теории, но их исследование привело ко многим новым перспективным теоретическим построениям» (с. 350). Принцип противоречия раскрыт прежде всего на материале парадоксов теории множеств, которые, по мнению авторов,

Зарубежная оценка трудов академика Ж.М. Абдильдина

возникают в результате активности познающего субъекта, связанной с проблемой обоснования математики, и ценность подобных ситуаций в том, что они дают наиболее мощные импульсы прогрессу математического познания.

Один из существенных недостатков книги Ж. Абдильдина и А. Нысанбаева – отсутствие полемики с аналогичными работами в области логики науки. Эта книга, показывающая, сколь сложен и тернист путь философского анализа методологических проблем частнонаучных теорий, к тому же написанная с нетрадиционных позиций, может, конечно, вызвать и определенные дискуссии. Однако нельзя не признать, что перед нами содержательное исследование, позволяющее по-новому взглянуть на ряд проблем научного познания.

Е.А. БЕЛЯЕВ (МГУ), Н.О. ОСМАНОВ (КУБАНСКИЙ ГОСУНИВЕРСИТЕТ)

Ж. М. Абдильдин, А. Н. Нысанбаев.

*Диалектико-логические принципы построения теории.
– Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1973. – 420 с.*

Научная теория представляет собой довольно сложную систему знания. В настоящее время диалектико-материалистический анализ науки как относительно самостоятельной системы теорий становится все более необходимым и значимым. Поэтому вышедшая недавно работа Ж.М. Абдильдина и А.Н. Нысанбаева носит, несомненно, актуальный характер и заслуживает серьезного внимания.

Монография состоит из введения, шести глав и заключения. I–IV главы написаны Ж.М. Абдильдиным, V и VI – А. Н. Нысанбаевым.

На высоком философском уровне написаны разделы (глава I), посвященные разработке Кантом и Гегелем диалектико-логических принципов построения теоретического знания. Правильно указывается, что кантовская диалектика была применена к постановке и решению проблемы всеобщего и необходимого синтетического знания. Известно, что в трансцендентальной логике доказывается обусловленность опыта категориями рассудка. В однозначности категорий Кант видел источник объективности знания. Ж.М. Абдильдин правильно подчеркивает, что стремление привести в связь чувственное многообразие и рассудок является важной заслугой кантовской философии. Однако Кант отрицал, что чувственное есть источник понятий и

категорий, и поэтому не смог дойти до истинного синтеза чувственности и понятий. Правильно показано в книге отношение Канта к противоречиям. Кант различал два вида противоречий: логическое и реальное. Выступая против логических противоречий, Кант обращает внимание на те реальные противоречия, которые «являются следствием последовательного теоретического исследования». Трансцендентальная иллюзия, как отмечает автор, есть естественная и неизбежная иллюзия разума. Несмотря на то, что в противоречивости разума Кант видел недостаток разумного познания, в своем учении об антиномиях он, по существу, обосновал необходимость противоречий в разуме. Ж.М. Абдильдин дал весьма глубокий анализ гносеологических корней кантовского идеализма и агностицизма.

Излагая гегелевский анализ диалектико-логических принципов знания, он отмечает противоречивую связь гегелевской философии с кантовской критикой разума. С одной стороны, Гегель продолжает многие идеи Канта, в частности, в учении об абсолютном духе, первичном онтологически, доводит кантовский априоризм до предела. С другой стороны, Гегель — анти-Кант, стремящийся всем своим учением преодолеть кантовский агностицизм. Гегель, как и Кант, различает рассудок и разум по их роли в познании. Ж.М. Абдильдин подробно анализирует гегелевское понимание роли рассудочного познания и отмечает, что разумная логика, являясь диалектической, позволяет исследовать природу понятия. Этим самым гегелевская логика, как подчеркивается в монографии, положила начало плодотворному созданию теории понятия. Гегелевская теория понятия стремится исследовать такие понятия, которые бы «не упрощали, не огрубляли, не омертвляли живое, а выражали его как живое, если не в полной гамме красок, то хотя бы в его существенном

многообразии» (с. 29). Ж.М. Абдильдин выделяет три важнейших принципа гегелевской теории конкретности понятия: 1) содержательность конкретного понятия; 2) конкретное понятие как единство всеобщего, особенного и единичного; 3) противоречивость конкретного понятия.

В монографии отмечается, что требование содержательности понятий — «одно из замечательных положений гегелевской логики». Однако проблему связи формы и содержания понятия Гегель до конца не может решить, ибо он, как идеалист, толкует понятие как субъект развития. В книге говорится, что Гегель рассматривает всеобщее в единстве с особенным и единичным, что истинно всеобщее понятие — «это простое, вместе с тем богатое внутри себя». И здесь идеализм уводит Гегеля от последовательного решения этой проблемы. Материалистическое обоснование диалектики всеобщего и необходимого было сделано К. Марксом. Им же раскрыта природа противоречия с подлинно научных позиций. В целом Ж. М. Абдильдин сумел показать вклад, который внес Гегель в понимание диалектики построения научного знания.

Вторая глава посвящена материалистическому пониманию диалектико-логических принципов теории, выбору предметной области и анализу всеобщего принципа теории.

Автор правильно указывает, что мышление есть не только результат созерцания, пассивного отражения природы, но и субъективная творческая деятельность; причем обе эти стороны познавательной деятельности находятся в единстве. Большое влияние на ход познания оказывает практическая предметная деятельность, «изменение природы человеком». Категории выступают в качестве моментов, идеальных форм этого изменения мира. Предметная деятельность двулика — она «в одном

случае получает реальное воплощение, в другом – идеальное» (с. 46). Диалектико-логические принципы (категории) научного знания нельзя строить без учета указанного двуединства, ибо их объективность означает, что они являются как законами предметной деятельности, так и принципами формирования знания. Поэтому нельзя обеднять диалектику сведением всей полноты ее содержания к учению «об общих связях мира», т. е. отрывать диалектику от ее функции логики. Нельзя правильно понять диалектику без учета важнейшего принципа единства диалектики, логики и теории познания. Рассмотрение диалектики как логики несовместимо с идеей существования какой-то особой диалектики природы.

Основной недостаток часто применяемого в настоящее время метода рассмотрения теории (от анализа исходных принципов, выводов и связующей группы понятий к рассмотрению связи теории и эксперимента) «заключается в том, что не раскрывается сущность, субстанциальная определенность теории и остается в тени связь теоретических представлений с предметной, практической деятельностью человека» (с. 50). Правильное понимание теоретического знания о предмете можно строить на основе ленинских идей: необходимо рассмотреть историю «самодвижения» объекта, все его «опосредования» с учетом процесса общественной практики, принципа конкретности истины. Указывая на то, что изменение человеческой предметной деятельности, логики этой деятельности приводит к изменению логики теории, автор исследует различные стороны механизма данной связи, опираясь на проведенный К. Марксом анализ трудовой деятельности при капитализме.

Теория формируется на основе предметной деятельности, но она в то же время «предшествует всякой конкретной деятельности» (с. 59). В теории находит свое идеальное выражение «всеобщее условие конкретного

целого». Теория строится на основе определенных фактов, но в ней находит свое выражение «не общее множество фактов, а всеобщее условие существования и функционирования этих фактов» (с. 61).

Первым важнейшим условием развития теории выступает выбор предметной области. Предметная область относительна, исторична. Определение предметной области невозможно без учета изменений субъекта в ходе развития общественной практики, без формулировки диалектики субъекта и объекта, активности познающего субъекта. Последний принцип не был понят домарксовским материализмом. Марксизм – сознательно ставит данный принцип в основу своего учения. Однако Ж.М. Абдильдин не развивает дальше свои взгляды в этом направлении. Если активность познающего субъекта является таким фундаментальным принципом марксизма, то, вероятно, логика должна привести нас к идее, что проблема человека является одной из центральных проблем философии. В плане проводимого исследования это означало бы, что социальная форма движения детерминирует все другие формы движения.

Выбор предметной области имеет важнейшее методологическое значение, о чем свидетельствует история создания теории относительности и квантовой механики (с. 66–76).

Наряду с выбором предметной области во всех разделах познания возникает и проблема начала, «исходного пункта построения теоретического знания, критериев и способов его нахождения» (с. 83). Неправильное решение вопроса о начале в истории философии (у эмпириков и рационалистов) вытекало из недопонимания общего и единичного, непосредственного и опосредованного и др. В отличие от этих толкований, в диалектическом материализме понятие начала рассматривается синтетически, в связи с исторически

конкретной системой. Анализ товара (в котором «охвачено элементарное бытие данного конкретного целого»), товарного отношения (как «элементарной конкретности») позволил К. Марксу вывести всеобщий закон товарного производства.

В построении теории начало играет роль ее исходного пункта. При этом не менее важно выявление и обоснование всеобщей абстракции, принципа теории. Всеобщий принцип (субстанция), конкретное всеобщее несводимо к «абстрактно-общему признаку предмета». Анализируя методологию и логику построения теорий на примерах из истории философии, классической английской политической экономии, работ К. Маркса и В.И. Ленина, автор раскрывает важность правильного выявления всеобщего принципа.

Указанные во второй главе аспекты построения теоретического знания не будут играть позитивной роли без надежной логической формы для дальнейшего адекватного и полного воспроизведения объекта. «Такой формой является развитие от всеобщего к особенному и от него к единичному» (с. 127). Правильное понимание отношения стоимости, прибавочной стоимости и труда (рабочей силы) как отношения всеобщего, особенного и единичного и применение метода восхождения от абстрактного к конкретному дало возможность К. Марксу раскрыть сущность капиталистического общества, характер действия его основного закона. А. Смит и Д. Рикардо хотя и рассматривают прибавочную стоимость, но или не видят разницы между нею и прибылью, или непосредственно их отождествляют. Выделение и обоснование прибавочной стоимости как основного понятия — величайшая заслуга Маркса. Различным аспектам обоснования основного понятия теории посвящена третья глава монографии. В ней анализируется, почему Родбертус, выделяя понятие прибавочной стоимости, но имея о ней «несовершенное

мысленное выражение предмета», не сумел довести свои исследования до логического конца, не выделил прибавочную стоимость как основное понятие теории.

Далее Ж. М. Абдильдин проводит мысль о важнейшей роли категории сущности в обосновании основного понятия теории и определяет сущность не как «элемент, а ту особую форму развития субстанции, которая не имеет всеобщего значения в данной системе». Здесь сущность совпадает со всеобщим. Но она может и отличаться от всеобщего, хотя всеобщее (субстанция) и единичное (элемент) находятся в единстве. Сущность (прибавочная стоимость) нельзя рассматривать вне форм ее проявления. Однако в монографии не дается развернутой картины понятия субстанции. Поэтому определение социализма как «субстанции – системы» (с. 150) не носит никакой дополнительной информации по сравнению с его определением как развивающейся общественно-экономической формации. Говоря о роли противоречий в обосновании основного понятия теории, автор утверждает, что «согласно марксистской концепции, мышление не есть особая, самостоятельная реальность» (с. 165). Вероятно, не до конца можно согласиться с столь категоричным выражением данной мысли. Конечно, мышление зависит от материи (оно производно от нее и отражает ее), но между ними нет и абсолютного тождества. Мышление есть особая (несводимая к материи, к объективной реальности), самостоятельная (не во всем тождественно повторяющая любые зигзаги материи) реальность — субъективная реальность. В пользу нашего вывода говорит также и конструктивная, преобразующая роль сознания человека, создание им новых материальных объектов (не существующих «самих по себе»), т. е. своей среды обитания. <...>.

Отмеченные недостатки ни в коей мере не снижают общей положительной оценки рецензируемой моно-

Зарубежная оценка трудов академика Ж.М. Абдильдина

графии. Ж.М. Абдильдин и А.Н. Нысанбаев сумели на высоком методологическом уровне решить ряд новых проблем, рассмотреть неисследованные аспекты старых, классических проблем, последовательно провести линию бескомпромиссной идеологической борьбы с различными метафизическими ошибками и идеалистическими извращениями.

Данная книга является полезным вкладом в развитие марксистской философии и будет интересна для самого широкого круга читателей, прежде всего для тех, кто занимается вопросами логики научного познания.

Э.Г. ЮДИН (г. МОСКВА)

Ж.М. Абдильдин. Диалектика Канта.
– Алма-Ата: изд-во «Казахстан», 1974. – 160 с.*

Исследованию творчества Канта посвящено в нашей литературе немалое число работ, в которых, естественно, видное место занимает и анализ диалектики великого немецкого мыслителя. Тем не менее, Ж.М. Абдильдин в рецензируемой книге нашел плодотворный и интересный способ рассмотрения диалектических идей Канта. Это рассмотрение осуществляется по двум основным линиям: диалектика как содержательная концепция научного знания и элементы собственно теории диалектики в учении Канта. Каждой из этих линий посвящена особая глава, чем и определяется структура книги. В первой главе речь идет главным образом о проблеме обоснования научного знания, и в этой связи дается критический анализ докантовских форм решения проблемы, во второй главе внимание автора сконцентрировано на проблеме противоречия.

Одна из привлекательных особенностей книги состоит в том, что автор сумел органически увязать имманентный и историко-философский анализ учения Канта. Это четко прослеживается на протяжении всей работы: практически по каждому из затронутых вопросов основательный анализ сложных кантовских текстов сопровождается их интерпретацией с точки зрения как предшествующего, так и последующего развития философии. Благодаря такому подходу Ж.М. Абдильдину удалось выпукло

---

* Опубликовано в журнале «Вопросы философии». – 1975. – № 11.

обрисовать выдающуюся роль Канта в истории познания, показать сильные и слабые стороны его учения о познании и охарактеризовать то место, которое занимает этот мыслитель в ряду предшественников диалектического материализма.

Можно, пожалуй, сказать, что кантовский юбилей в целом способствовал значительному углублению интереса к сложному и противоречивому наследию великого немецкого философа. В полном соответствии с марксистской философской традицией авторы современных работ о Канте стремятся не столько подвести творчество этого мыслителя под заранее известные схемы, сколько выявить действительные проблемы, поставленные в его учении. А именно в этом отношении учение Канта представляет наибольший интерес и сохраняет всю свою актуальность.

С таких позиций подошел к исследованию и Ж.М. Абдильдин. Пожалуй, в наибольшей степени такой конструктивный подход обнаруживается в книге при рассмотрении кантовского учения о мышлении. Не торопясь вынести окончательный приговор, Ж.М. Абдильдин раскрывает действительный смысл кантовского априоризма, показывает, что за ним кроется совершенно новый подход к проблеме природы научного мышления и обоснования его результатов: в форме учения об априорных принципах чувственности и рассудка Кант преодолевает альтернативу рационализма и эмпиризма и открывает путь к анализу реального механизма мыслительной деятельности, ее объективных и субъективных условий. Именно Канту принадлежит постановка вопроса о решающей роли в познании форм мышления, независимо от того, что конкретный ответ на этот вопрос, данный самим Кантом, уже его преемникам представлялся далеко не безупречным. Это сторона проблемы четко прослежена в книге в связи с рассмотрением кантовского учения о категориях и о

синтетическом априорном знании. Автор справедливо подчеркивает, что такой подход был необходимой предпосылкой разработки содержательного учения о сущности теоретического знания.

Очень интересно и свежо рассматривает Ж.М. Абдильдин одно из главных оснований кантовской диалектики – идею активности познающего субъекта, которой в книге посвящен специальный параграф. В нашей историко-философской литературе достаточно прочно установлено, что именно Кант является родоначальником диалектики деятельности, деятельностного подхода, столь характерного для немецкой классической философии, а затем переработанного в материалистическом духе основоположниками марксизма. Ж.М. Абдильдин показывает, что такой подход оказался органическим основанием всей концепции Канта, поскольку именно на него опирается объяснение природы теоретического знания. При этом в отличие от некоторых современных адептов принципа деятельности Кант отнюдь не ограничивался простым указанием на важность и универсальность идеи активности субъекта и тщательно прослеживал специфические формы этой активности в сфере познания. По справедливому утверждению Ж.М. Абдильдина, «кантовская идея активности познания, познающего субъекта разработана в трансцендентальной дедукции категорий и в учении о первоначальном единстве апперцепции» (с. 70). Особенно обстоятельно с этих позиций рассмотрено в книге учение о первоначальном единстве апперцепции. Причем автор не просто фиксирует тот факт, что это учение послужило отправным пунктом немецкого классического идеализма и определило своеобразие диалектики в немецкой классической философии, но и подчеркивает, что было бы неправильно сводить всю суть этого учения к идеализму и не видеть в нем продуктивных, положительных моментов.

Среди этих последних Ж.М. Абдильдин выделяет прежде всего синтезирующую, связывающую деятельность рассудка – исходную точку кантовского учения о первоначальном единстве апперцепции. Здесь действительно идея деятельности, активности познания выступает наиболее рельефно.

Эта сторона концепции Канта не потеряла своего значения и в наше время. В принципиальном плане она интересна постольку, поскольку в ней раскрываются реальные механизмы познавательной активности субъекта. Именно такая постановка проблемы оказалась конструктивным противовесом упрощенным представлениям о познании, которые были характерны как для эмпиризма, так и для рационализма: Кант показал, что познание не может быть сведено ни к унылым индуктивным обобщениям, в основе которых лежит простое повторение опыта, ни к механическому отслаиванию, отшелушиванию признаков объекта, которое как бы автоматически приводит к построению абстракции на основе ограниченного числа врожденных идей. Подлинную суть познания составляет активное мысленное оперирование с объектом, в ходе которого рассудок упорядочивает, организует материал чувственности – связывает его в целостность, недоступную самой чувственности. Здесь следовательно, категория связи получила не только онтологический, но и содержательно-логический статус. И когда Маркс говорил о развитии «дейтельной стороны» идеализмом, то он, конечно, далеко не в последнюю очередь имел в виду этот конкретный аспект учения Канта.

Учение о первоначальном единстве апперцепции обнаруживает свою актуальность – быть может, несколько неожиданно – и в психологическом плане: оно показывает, что «материя» взаимодействия субъекта и объекта уже в самых своих исходных точках предполагает активность субъекта. Современные психологические исследования

подтверждают этот вывод и демонстрируют, в частности, что уже и созерцание представляет собой весьма сложную деятельность, что оно, следовательно, вовсе не так «фотографично», как это предполагали еще не так давно и как следует из буквального смысла слова «созерцание».

Развитие тех идей, которые были заложены в учении Канта, заставило увидеть в деятельности исключительно сложную по своему строению действительность, выявило неоднозначность ее определений, многообразие форм, в которые выливается активность человека.

В книге последовательно и строго проводится единая авторская точка зрения, определяющая способ интерпретации диалектики Канта. В целом эта точка зрения представляется вполне обоснованной, но некоторые ее аспекты кажутся не бесспорными. Это, прежде всего, касается метода оценки творчества Канта в историко-философском плане. Ж.М. Абдильдин исходит из положения, согласно которому Кант – как родоначальник немецкой философской классики – дал преимущественно верную постановку проблем диалектики познания, но в решении этих проблем значительно уступал Гегелю. Конечно, в принципе это правильно. Но только в принципе. В нашей историко-философской литературе неоднократно и справедливо отмечалось, что отношение между системами Канта и Гегеля не столь прямолинейно. Это наиболее очевидно в проблемах этики и, более широко, в обосновании принципов практического разума, где позиция Канта в некоторых существенных пунктах оказалась выше гегелевской. Но и в решении тех проблем, которые непосредственно рассматриваются в книге Ж.М. Абдильдина, превосходство Гегеля отнюдь не всегда представляется безоговорочным.

Начнем с того, что два эти мыслителя фактически рассматривают не вполне тождественный предмет. Если

у Гегеля проблема обоснования знания раскрывается и решается через анализ мышления (то есть во главу угла поставлено рассмотрение познавательной деятельности как процесса), то Кант пытается решить эту же проблему с иной стороны – через анализ сознания и его имманентной структуры. Именно процессуальный подход позволил Гегелю сделать решительный шаг вперед по сравнению с Кантом в раскрытии диалектики познавательной деятельности, ибо это последняя не может быть понята вне процессуальных представлений. Но в конкретной форме гегелевского учения этот прогресс был достигнут ценой известной недооценки роли структур сознания в мыслительных процессах, то есть тех относительно устойчивых инвариантов, которые образуют внутреннюю форму исторически конкретных типов мышления.

Более явственно это различие подходов обнаруживается, например, в проблеме априоризма. Отвлекаясь от идеалистической, агностической формы, в которой эта проблема была поставлена Кантом и которая получила справедливую диалектико-материалистическую оценку в трудах Энгельса и Ленина, надо все-таки заметить, что кантовское учение об априорных формах чувственности и рассудка впервые поставила вопрос о необходимой предпосылочности всякого мышления, о детерминации его не только содержанием познаваемой реальности, но и наличными структурами сознания. Такая постановка проблемы, с одной стороны, позволила снять налет мистификации, которым прежде была покрыта идея активности познающего мышления (впрочем, в конкретной форме кантовского учения следы этой мистификации еще очень ощутимы), и указать на реальную «материю», в которую отливается эта активность; с другой стороны – обозначить контуры вопроса, суть которого проявилась значительно позднее, уже в современных представлениях о структуре

познания, – вопроса не просто о предпосылочности мышления, но о сложной типологии самих предпосылок (этот аспект кантовского априоризма хорошо раскрыт в работе В.С.Швырева «Кант и неопозитивистская доктрина научного знания» в сб. «Философия Канта и современность», М., 1974). Повторим еще раз, у самого Канта этот круг проблем не получил адекватной постановки, но, во-первых, именно Кант «генерировал» такую постановку, дал ее первоначальную идею: во-вторых, сложная реальная природа априоризма осталась в значительной мере скрытой от Гегеля. Это последнее обстоятельство имело, конечно, вполне определенное конкретно-историческое объяснение, однако и независимо от него историко-философская объективность требует признать, что в этом конкретном пункте Гегель по сравнению с Кантом сделал шаг не вперед, а в ином направлении.

Пример с априоризмом лишний раз подчеркивает, что слишком жесткое следование принципу линейного развертывания истории философии таит в себе определенные опасности. А, кроме того, он демонстрирует важную роль, так сказать, методологической составляющей в историко-философском анализе: дело в том, что чисто содержательное сопоставление позиций Канта и Гегеля в этом вопросе оставляет скрытым весьма существенное различие предметов, с которыми имел дело каждый из них, различие, понимание которого требует не только содержательного, но и методологического подхода.

Хотелось бы привести еще один пример, подтверждающий, что линейное изображение истории философского познания может порождать неточности. Оценивая историческое место диалектики Канта, Ж.М. Абдильдин пишет: «...Диалектический способ мышления, творчески развиваемый лучшими представителями современного естествознания, зачастую по теоретическому уровню

не поднимается до классических форм диалектики, разработанных Гегелем и Марксом, и выступает в доступной им форме кантовской диалектики» (с. 5). И далее тут же говорится, что современное естествознание «поднимается до уровня кантовской диалектики, то есть почти доходит до понимания необходимости единства возможности и действительности, конечного и бесконечного, внутреннего и внешнего и т. д.». Здесь, на наш взгляд, не только излишне резко и безапелляционно диалектика Канта противопоставляется ее последующим, более развитым формам, но и дается не очень корректная характеристика методологической базы современного естествознания и его связей с философией.

Спорные пункты неизбежны в любом серьезном исследовании, и это, конечно, составляет его достоинство, а не недостаток. Так и в данном случае: обсуждение спорных аспектов книги Ж.М. Абдильдина позволяет уточнить постановку и решение проблем, важных как для истории философии, так и для современного развития философского знания. Если же говорить о книге в целом, то ее высокий профессиональный уровень, конструктивный характер обсуждения проблем, спокойный и деловой тон не оставляют сомнений в том, что читатель получил хорошую, добротную работу.

В.П. КОХАНОВСКИЙ (г. РОСТОВ-НА-ДОНУ)

*Ж. М. Абдильдин. Диалектика Канта.
– Алма-Ата, 1974.*

О Канте и его учении написано немало как в нашей стране, так и за рубежом. Только за последнее время у нас появились такие интересные и содержательные исследования, как книга В.Ф. Асмуса «Иммануил Кант» (М., 1973) и В.И. Шинкарука «Теория познания, логика и диалектика И. Канта» (Киев, 1974), а также коллективная работа «Философия Канта и современность» (М., 1974, под ред. Т.И. Ойзермана). Однако в нашей кантоведческой литературе все же недостаточное, на наш взгляд, внимание уделяется главному богатству кантовской философии – его диалектике. Последняя зачастую просто «топится» в длинной веренице рассуждений о недостатках и пороках учения Канта вообще и его диалектики в частности.

Вот почему, оценивая рецензируемую книгу, следует прежде всего указать, что характерной ее особенностью является то обстоятельство, что автор отыскивает и детально, скрупулезно исследует прежде всего продуктивные диалектические идеи Канта, не проходя, конечно, мимо его недостатков. Как пишет Ж.М. Абдильдин во «Введении», – он «стремился проанализировать те положения кантовской философии, в которых заключены элементы диалектики и которые впоследствии, будучи критически осмысленными и творчески переработанными, несомненно, сыграли позитивную роль в становлении диалектической логики» (с. 4).

Это очень правильный, плодотворный подход, ибо только при таком подходе можно выявить не только

историческое, но и, что важнее всего, актуальное значение кантовской диалектики и показать, какую большую роль она сыграла в разработке материалистической диалектики как логики и теории познания.

Рецензируемая книга состоит из «Введения» и двух глав. В первой главе «Проблема обоснования научного знания и диалектика» наибольшее внимание автора привлекают три проблемы: 1) реформа логики Кантом и обоснование им синтетического знания; 2) трансцендентальный анализ категорий; 3) кантовская идея активности познающего субъекта.

Рассматривая первый из этих вопросов, Ж.М. Абдильдин показывает, как Кант, несмотря на психологизм, субъективизм, непонимание роли практики в познании и другие недостатки, пытается преодолеть односторонность как рационализма, так и эмпиризма. Хотя Канту и не удалось раскрыть подлинную диалектику чувственности и рассудка, однако уже само стремление привести в связь эти два момента познания является важным достижением. Автор подчеркивает в связи с этим большую заслугу Канта в том, что он глубоко осознал, что для доказательства возможности синтетического априорного знания необходимо единство противоположностей. «Таким образом, Кант решительно отказался от старого типа мышления, старой логики и доказал необходимость новой логики для обоснования синтетического знания» (с. 37).

Старая логика – это, по Канту, общая логика, традиционная логика, которая вследствие своей формальности не исследует содержание познания, а потому имеет ограниченные рамки своего применения и не может служить надежным, а тем более универсальным инструментом научно-теоретического знания. Новая логика – это у Канта трансцендентальная, содержательная логика, наука о всеобщих условиях научно-теоретического познания.

Иными словами, трансцендентальная логика — это, по выражению В.Ф. Асмуса, «абрис» (именно абрис, контур, зачаток и т. п. — и не больше) диалектической логики как логики разума, диалектического мышления.

В этой связи невозможно не сказать о том, что если уже Кант почти 200 лет назад достаточно четко понимал и вполне убедительно доказывал ограниченность, недостаточность формальной логики для теоретического познания, то вызывает недоумение, что в наши дни еще находятся философы, которые, как пишет Ж.М. Абдильдин, «под «современной» логикой научного познания понимают только формальную и математическую логику, а диалектическая логика, система категорий и всеобщие законы мышления, по их мнению, якобы не являются логикой в собственном смысле этого слова» (с. 6). Такое представление не чем иным, как незнанием (или нежеланием знания) истории науки вообще и истории философии в частности объяснить, на наш взгляд, нельзя.

Главным содержанием трансцендентальной логики является, по Канту, исследование логических категорий, ибо именно благодаря им теоретическое знание приобретает свою всеобщность и необходимость. Говоря об этой стороне кантовского учения, Ж. М. Абдильдин справедливо подчеркивает, прежде всего, то обстоятельство, что «если до Канта категории в основном рассматривались в плане онтологии, как общие связи мира, то в кантовской философии оттенен новый аспект — категории рассмотрены как принципы, всеобщие условия формирования научно-теоретического знания (с. 47), необходимые универсальные формы мышления. Это очень важное достижение Канта, несмотря на его априоризм и формализм в этом вопросе. И опять-таки непонятно, почему сегодня еще довольно широко распространено представление о том, что существуют всего (!) три формы мышления — понятие,

суждение и умозаключение? (В лучшем случае сюда относят еще гипотезу и теорию.)

Указывая на то, что кантовская дедукция категорий – действительно крупное завоевание философской мысли, автор рецензируемой книги выражает свое несогласие с теми исследователями, которые пытаются доказать, что Кант в анализе категорий сделал шаг назад по сравнению с Аристотелем. Подобные утверждения, верно замечает Ж.М. Абдильдин, ничего общего не имеют с истиной, ибо их авторы «концентрируют внимание только на одном аспекте его учения – на кантовском идеализме и агностицизме и, к сожалению, при этом забывают продуктивные идеи Канта относительно универсальных форм мышления» (с. 47). Между тем главное состоит все же в том, чтобы выявить именно позитивные диалектические идеи по этому вопросу, которые были углублены и развиты дальнейшим ходом философской мысли.

К числу таких идей автор относит в первую очередь попытку Канта найти предметную область (первоначальное целое) для обоснования категорий и подчеркивание значения единого принципа в обосновании дедукции логических категорий. Несомненной заслугой Канта является также то, что при классификации категорий он ввел принцип троичности, что было шагом вперед по сравнению с Аристотелем, который просто перечислил категории. Существенное значение, как отмечает Ж.М. Абдильдин, для нас имеет и то, что Кант рассматривал категории не как нечто абстрактно-общее, а как конкретное всеобщее, что дает возможность формировать чувственное многообразие в научно-теоретическое знание. В кантовских таблицах категорий обнаруживаются также первичные идеи единства противоположностей. Плодотворна идея Канта о связи понятий и суждений; эта идея, по мнению автора, хотя и в зачаточном виде, выражает представление

о связи и зависимости форм мышления друг от друга. Весьма важным рациональным моментом кантовской философии является также идея системности категорий, анализ содержания самого понятия системы. Этот анализ имел существенное значение в подготовке всестороннего диалектического понимания проблемы и, в частности, для разработки принципа восхождения от абстрактного к конкретному, некоторые первоначальные элементы которого можно найти у Канта.

В связи с этим Ж.М. Абдильдин отмечает, что тщательный анализ идей Канта о системности представляет несомненный интерес потому, что вопрос «о системе, системном подходе и в настоящее время актуален. Его обычно выдвигают параллельно с диалектикой (а иногда и вместо диалектики. – В. К.), с диалектико-материалистическим пониманием системы и выдают как нечто новое по сравнению с диалектикой» (с. 67). Между тем, по справедливому замечанию автора, внимательное рассмотрение этого метода показывает, что его идейное содержание по существу не идет дальше тех постановочных суждений, какие сформулированы Кантом в «Критике чистого разума» и Фихте в «Наукоучении».

Детальный анализ названных выше рациональных идей учения Канта о категориях и их роли в познании сопровождается в рецензируемой книге критикой основных пороков этого учения, какими являются идеализм, априоризм, непонимание практики как действительного источника категорий, отсутствие историзма в их выведении, схематизм и формализм, психологизм и трактовка категорий как лишь «пособий субъекта» и др.

Говоря об идее активности познающего субъекта, Ж.М. Абдильдин не без основания отмечает, что эта идея в какой-то мере определяет особенность кантовской диалектики и пронизывает диалектику всей немецкой

классической философии, ибо именно начиная с Канта диалектика выступала как диалектика деятельности, как диалектика творчества. Автор прежде всего выделяет кантовскую идею категориальной активности, т. е. ту его мысль, что «весь мир наших созерцаний закономерно формируется силой воображения по нормам категорий» (с. 71). Вместе с тем здесь же указывается, что вследствие своего субъективного идеализма и априоризма Кант не смог соединить принцип активности сознания, категорий с их объективностью, с их отражательной способностью.

В этом разделе книги автор обстоятельно исследует одну из самых трудных сторон философии Канта – учение о первоначальном единстве апперцепции. Несомненной заслугой Ж.М. Абдильдина является тот факт, что он даже в этом, пожалуй самом «темном» из всех кантовских учений, находит весьма ценные рациональные моменты – о связи, о единстве многообразного, о единстве объекта и субъекта и об отличии объекта от простого бытия и другие, нашедшие затем развернутую разработку в философии марксизма.

Вторая глава «Диалектика как логика разума» посвящена в основном исследованию важнейшей и, может быть, наиболее ценной части кантовской философии – учению о противоречии. Нельзя не согласиться с положением автора о том, что в разработке Кантом проблем диалектики «главным достижением философа является то, что он ввел принцип противоречия в мышление, в теоретическое знание и как следствие – в определенной степени поставил под сомнение представление о всеобщности формально-логических законов» (с. 93). Отметив, что идея противоречия пронизывает все творчество Канта, Ж.М. Абдильдин прослеживает, как «выглядит» эта идея сначала в докритических, а потом в критических работах Канта, но главным образом, естественно, в «Критике чистого разума». Анализируя это произведение, автор в свою очередь

показывает, как решает Кант проблему противоречия в разных его разделах – в учении о первоначальном единстве апперцепции (начиная с которого диалектика рассматривается уже преимущественно как внутренний ритм человеческой деятельности), в учении об амфиболии рефлексивных понятий (в котором Кант уже существенно ограничил сферу действия законов общей, т. е. формальной логики) и, конечно, в учении об антиномиях чистого разума.

Не проходя мимо коренных пороков и существенных недостатков этого учения, Ж.М. Абдильдин, однако, старается выявить по возможности все плодотворные мысли Канта по проблеме противоречия и показать их непреходящее значение для философии наших дней, для современного этапа разработки теории материалистической диалектики. И это ему в значительной степени удается.

Вопреки тем, кто пытался и пытается сегодня принизить значение кантовского учения об антиномиях, автор правильно указывает, что, несмотря на все недостатки, это учение является великим завоеванием философии. И хотя задолго до Канта, отмечает он, конечно, высказывалась идея о неизбежности противоречия в теоретическом познании, именно в антиномиях чистого разума ярче всего проявилась мысль о недостаточности формально-логических принципов в целостном познании. Именно после Канта стало особенно ясно, что «сколько бы формальная логика ни пыталась освободить наши мысли от противоречия, из этого ничего не выходило: изгнанное в одном месте, оно еще яснее и в большей степени проявлялось в другом» (с. 123). И вот после того, как это положение было убедительно доказано классиками марксизма (особенно в «Капитале» Маркса) и подтверждено всем ходом развития науки, имеются еще философы (в том числе, к сожалению, и марксистские), которые утверждают, что формальная логика и есть единственная логика научного

исследования, что противоречия – это недостаток, порок, что если противоречия появляются в мышлении, то это признак слабости последнего, что противоречия в теории, отражающие реальные противоречия, надо устранять путем уточнения терминов, что наука есть сумма точных, непротиворечивых знаний и т. д., и т. п.

Эти рассуждения ничего общего не имеют с диалектикой и по своему теоретическому уровню находятся далеко позади Канта, который, как верно указывает автор рецензируемой книги, «обосновал необходимость противоречия в мысли, в отличие от рассудочной логики, которая видела в противоречии лишь произвол субъекта» (с. 126).

Ж.М. Абдильдин выделяет в этой связи резкую критику Кантом догматизма, который, игнорируя противоречия, борьбу противоположных мнений в науке, является поэтому тормозом в развитии последней. Догматическое обучение, по Канту, не приучает людей критически мыслить, преодолевать теоретические доводы своих идейных противников, не показывает, как надо опровергать эти доводы, как вскрывать ошибки своих оппонентов и отражать их неверные аргументы и софизмы. Эти мысли чрезвычайно актуальны и в наши дни, когда нам приходится вести интенсивную борьбу против буржуазной и ревизионистской идеологии.

Рассмотрение плодотворных идей Канта по проблеме противоречия сопровождается в рецензируемой книге выявлением и критикой коренных недостатков в разработке им этой проблемы, обусловленных его идеализмом и агностицизмом. Такими недостатками, с точки зрения автора, являются: отсутствие связи принципа противоречия с принципом развития; непонимание единства противоположностей как всеобщего условия существования развивающегося целого; незнание ведущей роли отрицательного в развитии; неразработанность проблемы

разрешения противоречия: непонимание всеобщего характера противоречий (ибо у Канта всего 4 антиномии); отсутствие связи антиномических положений в едином, конкретном понятии; непонимание противоречивости разума как причины самодвижения в познании; непонимание продуктивного, творческого значения антиномий, ибо Кант считал их иллюзией, видимостью противоречия; дуализм в попытке обойти, устранить формальным способом открытую им же самим диалектическую сущность антиномий и другие.

Вследствие наличия этих существенных пороков в конечном итоге «исследование Кантом проблемы противоречия приводит к полному устранению действительного противоречия, к реставрации метафизики, канонизации формально-логического запрета противоречия» (с. 144). Поэтому, замечает автор, в истории диалектики тенденция к устранению противоречия путем интерпретации его как противоречия в разных отношениях связана прежде всего с именем Канта. В заключительном разделе второй главы Ж.М. Абдильдин показывает, как К. Маркс и В.И. Ленин преодолевали это и все другие заблуждения Канта как по проблеме противоречия, так и по другим проблемам, используя в то же время все его пло-дотворные, рациональные мысли для разработки подлинно универсальной методологии, действительно современной логики научно-теоретического мышления, какой является именно материалистическая диалектика, понимаемая как логика и теория познания марксизма.

В книге Ж.М. Абдильдина имеются некоторые недостатки и неточности. Так, сконцентрировав свое главное внимание на «Критике чистого разума» (и это верно, ибо именно здесь сосредоточены основные достижения Канта по диалектике), автор не в полной мере показывает те рациональные диалектические идеи, которые содержатся в других произведениях «критического» Канта. Можно было бы более подробно проанализировать в этом плане

Зарубежная оценка трудов академика Ж.М. Абдильдина

также его «докритические» работы. Хотелось бы видеть более развернутую критику по рассматриваемым вопросам представителей буржуазной философии.

Нет также критики имеющихся в нашей философской литературе неверных представлений о тех или иных сторонах учения Канта и о диалектической логике вообще.

Однако, несмотря на эти недостатки, книга Ж.М. Абдильдина представляет собой глубокое, содержательное исследование и является существенным вкладом как в разработку истории философии, так и в теорию материалистической диалектики.

**Б.В. ЛОКК (г. МОСКВА). РЕФЕРАТИВНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
РЕЦЕНЗИИ Я. РОМБА (г. ВАРШАВА)**

Ж. Абдильдин, А. Нысанбаев.
Диалектико-логические принципы построения теории.
Rec.: Rab J.-Dialektyczne zasady budowy teorii.
– Czlowiek i swiatopoglad. – Warszawa, 1975. – N 4. – S. 166–175.

Рецензируемая книга члена-корреспондента АН КазССР Ж.М. Абдильдина и доктора философских наук А.Н. Нысанбаева, пишет Я. Ромб, посвящена анализу диалектического мышления как универсальной методологии теоретического познания и должна, по мнению авторов, стать альтернативой неопозитивистской концепции науки. Она содержит критику абстрактного эмпиризма и Спинозианских тенденций в философии науки.

В первом разделе рецензии особое внимание уделено рассмотренным в монографии элементам диалектики в философии Канта. Для польских читателей, как считает рецензент, мнение Ж. Абдильдина, согласно которому, первая попытка диалектического понимания познания была предпринята еще Кантом, представляет особый интерес, так как в польской философской литературе Кант рассматривается чаще всего с позиций неопозитивизма, выхолостившего диалектику из его категорий. В соответствии с рецензируемой работой указывается на введение Кантом в философию понятия «развитие» («саморазвитие») и на его попытку диалектической интерпретации материи и формы, равно как на рассмотрение им диалектики как процесса познания, потребовавшее применения совершенно новой логики – «логики содержания», или «трансцендентальной логики». «При таком подходе, – пишет Я. Ромб, – познание стало синтезом эмпирических

данных и категории разума». Он подчеркивает, что позитивисты не видят этой связи у Канта, не видят, что «категория разума приобретает свой объективный смысл только в связи с эмпирическими данными ... приобретает свою объективную ценность как необходимое формальное условие нашего опыта» (с. 167).

Рецензент отмечает значение проблемы антиномии («центральной проблемы кантовской диалектики»), детально рассмотренной в рецензируемой работе. В частности, подчеркнуто значение «признания противоречия как основы научного познания».

Значительное внимание рецензент уделяет принципам диалектики в кантовской «трансцендентальной диалектике» (логическая и трансцендентальная очевидность), подчеркивая, что «все категории разума имеют у Канта смысл только в связи с эмпирической очевидностью. И наоборот, сенсуальные (основанные на ощущениях) данные и мир явлений приобретают свой смысл и порядок благодаря необходимым и формальным условиям познания – формам чистой очевидности и категориям интеллекта. Единственным исключением, которое могло бы подкрепить позитивистскую тенденцию к разделению метода и предмета, могут стать регулятивные идеи разума. Но, как известно, они лишены для Канта эмпирического содержания и в лучшем случае могут иметь инструментальный, упорядочивающий наш опыт смысл. Известно также, что их доказательство происходит у Канта в действительности, не поддающейся научному определению» (с. 168).

Рассмотрение элементов диалектики у Канта рецензент заканчивает высказыванием Ж. Абдильдина, что «в так прочитанном Канте марксистская методология находит своего предшественника».

Поскольку вопросы, связанные с диалектической интерпретацией познания в философии Гегеля, «в общем

известны», рецензент ограничивается перечислением рассмотренных в данной монографии вопросов.

Второй раздел рецензии посвящен связи между предметной деятельностью и мышлением и вытекающему отсюда единству практики и теории. Рецензент кратко знакомит польских читателей с ходом рассуждений Ж. Абдильдина при рассмотрении этой проблематики, уделяя особое внимание анализу категорий диалектики. При этом рассмотрен ряд тезисов, в частности о единстве бытия и мышления как единстве практики и теории, о мышлении как форме предметной деятельности, о противоречиях в предметной деятельности как движущей силе развития категорий мышления, об истории науки как истории предметной деятельности человека (т. е. истории всей человеческой культуры), о прогрессивном характере истории познания, о единстве диалектики, логики и теории познания в марксистской философии и недопустимости выделения отдельных диалектик о связи между предметной деятельностью и научным познанием (различные категории как последовательные этапы нашего познания), о теории как форме практики.

В третьем разделе рецензии рассмотрена проблема выбора предметной области – начального этапа теоретического познания. При рассмотрении этой проблемы Я. Ромбо опирается на соответствующий раздел рецензируемой работы. Он указывает на сложность выбора предметной области ввиду изменения ее содержания в процессе исторического развития, на связь предметной области с практической деятельностью человека и уровнем развития науки в данный период, на зависимость познания объекта от определения способов его взаимоотношения с субъектом. Последнее имеет, по мнению рецензента, существенное значение для общественных наук, так как показывает, каким образом «предметная структурализация действительности зависит от классовых

позиций исследователя», указывает на связь «между теоретико-методологическим знанием исследователя и существованием конкретной социальной группы, к которой он принадлежит» (с. 171). Такой подход, продолжает Я. Ромб, дает возможность «наполнить используемые категории конкретным историческим содержанием; более того, он позволяет избежать популярного в буржуазной социологии анализа социальных проблем в целом» (с. 171).

Далее указано на соотнесенность создания предметной области с человеком, его объективной деятельностью; на включение практики в определение предмета, на невозможность произвольной абстракции в области исследований и отделения предмета от его наиболее широких связей, определяемых практикой; на необходимость рассматривать предмет в рамках целого, определяемого в конечном счете практическим отношением человека к миру. Следовательно, заключает рецензент, выбор предметной области – это выбор определенного целого, в рамках которого рассматривается предмет.

Заключительные разделы рецензии посвящены определению и анализу исходного пункта теории («начального целого») как следующего этапа построения теории, а также анализу понятий «субстанция» и «сущность». В основе этого анализа лежит марксов анализ категорий «товар», «стоимость» и «прибавочная стоимость». Показано, что именно товар, товарные отношения явились для Маркса исходной категорией при исследовании капиталистического способа производства; прослежен марксов анализ категорий и закономерностей капиталистического товарного производства, подтверждавший правильность выбора товара в качестве исходного пункта построения теории капитализма.

Далее Я. Ромб знакомит польских читателей с анализом категорий субстанции и сущности, данным Ж. Абдильдиным. При этом он подчеркивает значение, которое Ж. Аб-

дильдин придает определению универсальных условий целого, т. е. субстанции – этой универсальной конкретности теории, противопоставляя ее общеабстрактному анализу признаков предмета. В результате Ж. Абдильдин приходит к выводу, что решающее при определении субстанции предмета – сконцентрироваться на его конкретности, на факте, что предмет является единством многообразия.

Познавательная функция субстанции показана, по Ж. Абдильдину, в «Капитале», где в марксовом анализе в качестве субстанции выступает стоимость – конкретно-универсальное понятие, в котором сконцентрированы все отношения в товарном хозяйстве, равно как и единство многообразия форм жизни капиталистического общества. Поскольку стоимость как субстанция не зависит от форм ее проявления, она имеет универсальный характер.

Теснейшим образом с понятием субстанции связано в марксистской методологии понятие сущности. Эту связь, продолжает Я. Ромб, Ж. Абдильдин выводит из марксового анализа категории «товар», «стоимость» (субстанция капитализма) и «прибавочная стоимость». Он подчеркивает, что именно прибавочная стоимость является сущностью капиталистического товарного хозяйства, отражающей его внутреннее содержание; показаны различия между стоимостью и прибавочной стоимостью; отмечено, что последняя является специфичной формой саморазвития первой. Следовательно, сущность – специфическая форма саморазвития субстанции. Поскольку сущность является историческим моментом в развитии субстанции, универсального условия исследуемого целого, то в теории существует возможность рассматривать ее независимо от форм ее проявления, пишет Я. Ромб.

В соответствии с изменением предмета теории в ходе исторического развития меняется и его сущность, а также ее связь с миром явлений. Отмечено, что, исходя из этого, Ж. Абдильдин выдвигает перед диалектической логикой

свой последний постулат: чтобы построить целостную теорию, надо определить развивающееся целое или стремиться к мысленной реконструкции конкретного предмета. Таким образом, от понятийного определения сущности путь ведет к истолкованию внутренних форм проявления этой сущности в историческом развитии, – заключает рецензент. Эту мысль он иллюстрирует примером прибавочной стоимости как сущности капитализма. При этом подчеркивает, что отношение сущности к миру явлений носит не прямой, а опосредованный характер, что попытки чисто дедуктивного выведения конкретных категорий, касающихся форм проявления, из определения сущности будут безрезультатны. Для установления связей между ними необходимы понятия диалектической логики, а именно тождество противоречий, закон и закономерность, возможность и действительность и т. д., которые, однако, не проанализированы в монографии. <...>

Б. ФОГЕЛЬ (г. ЛЕЙПЦИГ)

Ж.М. Абдильдин.

*Развитие материалистической диалектики в Казахстане.
(Die Entwicklung der materialistischen Dialektik in Kasachstan).*

Alma-Ata: Nauka, 1975. – 126 S.

Автор является руководителем отдела диалектического материализма Казахской Академии наук. В основе этой публикации лежит доклад автора на философском обществе СССР. Материал был расширен и подвергнут переработке.

Основным предметом служит развитие Философских исследований в Казахстане. Автор дает оценку основанию Философского факультета университета и сектора философии в рамках Академии наук. Особенность развития философии в Казахстане состоит в том, что здесь имеется налицо концентрация на вопросах теории материалистической диалектики. Это проявляется уже в первых достаточно больших публикациях казахских ученых в конце 50-х годов. В качестве примера автор приводит:

1. Югай Г.А. «Анализ и синтез в познании биологических явлений» (1958); 2. Абдильдин Ж.М. «Гносеологическая роль конкретного понятия» (1958); 3. Туленов Ж. «Закон как философская категория» (1969); 4. Пресняков П.В., Кантемиров З.С. «Теория познания диалектического, материализма и учение о первичных и вторичных качествах (1959).

На основе этих работ в Академии наук образовалась исследовательская группа, которая в 1963 году опубликовала следующие монографии: «Проблемы логики и диалектики познания». Эта работа служила в качестве концептуальной основы для дальнейшей работы казахских философов.

Автор реферирует некоторые проблемы, которые излагались и развивались в этой работе. Отражение понимается как форма присвоения мира посредством общества; отдельный индивидуум есть в этой связи лишь особенное, направленное на особый предает. Он выходит на проблему взаимосвязи (Zusammenfallens) диалектики, логики и теории познания (с. 19); в связи с этим находится конкретное понятие (с. 22). Оно есть продукт мысленного воспроизведения, логического присвоения внутренних связей вещи и явления.

В этом круге проблем нашли свое место дальнейшие работы казахских философов, напр.: Касымжанов А.Х. «Проблема взаимосвязи диалектики» логики и теории познания» (1962) и Касенов В. «Диалектика отдельного, особенного и всеобщего в «Капитале» Маркса» (1963).

Следующий этап исследований по диалектическому материализму нашел свое высшее выражение в проведении симпозиума до вопросам диалектической логики в 1968 году в Алма-Ате. В качестве полосы обеспечения этого были опубликованы монографии Абдильдина по проблеме начала в теоретическом познании и Науменко о монизме как принципе диалектической логики.

Начиная с 1974 года отдел диалектического материализма занимается ролью категории «идеи» в познании. При этом обсуждаются следующие вопросы: категория идеи в истории Философии, роль сомнения в образовании категории идеи, роль идеи в отдельных науках.

В последнем разделе своей работы автор обсуждает перспективы дальнейшей разработки теории диалектики. Он указывает на то, что она должна быть главным образом систематической разработкой теории, на что и нужно направить усилия. Он констатирует, что для достижения позитивных результатов нужно сделать еще много. Работа должна сконцентрироваться на четырех кругах проблем:

1. Исследование человеческой деятельности. Отсюда возникает принцип субординации в понимании категорий и принципов диалектики.

2. Исследование истории философии в аспекте разработки диалектической логики.

3. Исследование научной теории в аспекте диалектической логики.

4. Психология, в особенности психология ребенка, этапы образования логического мышления (с. 122–125).

К.Х. РАХМАТУЛЛИН, ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР (г. АЛМА-АТА)

Ж. Абдильдин, А. Нысанбаев.
Диалектико-логические принципы построения теории.
– Алма-Ата: «Наука», 1973. – 420 с.*

В настоящее время исследования диалектико-логических принципов построения научной теории становятся все более важными и актуальными. Они позволяют перейти к систематической разработке теории материалистической диалектики и раскрыть методологическую роль ее категорий в науке. Вышедшая в свет книга Ж. Абдильдина и А. Нысанбаева посвящена этой актуальной теме и заслуживает серьезного внимания. Она отличается новизной рассмотрения ряда аспектов проблемы диалектико-логических принципов построения теории, конструктивностью подхода авторов к ее решению.

Отталкиваясь от диалектических принципов построения теоретического знания, разработанных Кантом и Гегелем, авторы раскрывают диалектико-материалистическую сущность целостной научной теории и методологических принципов ее построения (объект и субъект, отражение, развитие, субстанция, сущность, противоречие, всеобщее, особенное и единичное, количество и качество и т. д.). Под теорией понимается сложная форма мышления, в которой духовно воспроизводится природа конкретного целого, целостности, задаваемой, в конечном счете, определенным видом человеческой предметной деятельности. Этот марксистский тезис служит отправным пунктом исследования диалектико-логических принципов построения теории.

---

* Опубликовано в журнале «Вопросы философии». – 1976. – № 2.

Важнейшей особенностью теории является сведение многообразного к единому, выявление всеобщих условий конкретной целостности. Поэтому в теории важное значение придается исходным фундаментальным понятиям, на которые опирается теория в своем дальнейшем развитии; всеобщие же условия обеспечивают механизм формирования теории. Таким образом, можно отметить, что теория состоит из всеобщих условий, системы исходных понятий и эмпирических фактов. Однако простое перечисление признаков теории не раскрывает ее подлинной конкретной сущности. Поскольку теория представляет, прежде всего, целостное воспроизведение предмета в знании, необходим анализ всеобщих условий, принципов, обеспечивающих механизмы формирования и развития научной теории.

Авторы показывают, что философские категории являются не только универсальными характеристиками бытия, но и методологическими принципами построения теории. В книге заслуживает внимания исследование построения теории как процесса разрешения ряда противоречий. Процесс формирования теории подчиняется универсальным диалектико-логическим принципам, выполняющим функцию переработки чувственного знания, фактов и тем самым способствующим образованию теоретического знания.

Велико значение логических категорий не только в построении целостной научной теории, но и в осмыслении ее конкретных этапов развития. По справедливому мнению авторов, важнейшими моментами формирующейся теории служит выбор предметной области, вычленение начала, обоснование всеобщего принципа, основного понятия теории и выяснения диалектической связи сущности с формами ее проявления, эмпирическими фактами. Эти вопросы изложены в первых трех главах монографии. Такие выводы получены авторами путем

анализа логики «Капитала», ленинских трудов, новейших физико-математических теорий (теории относительности, квантовой механики, теории множеств и т. д.).

В последующих трех главах исследуются диалектические принципы, лежащие в фундаменте физико-математической науки, которая является в теоретическом отношении более развитой и зрелой. И это вполне справедливо, ибо диалектика в своем методологическом применении должна опираться на более развитые фундаментальные отрасли современного знания, тем самым указывая на те перспективы, по которым должно идти развитие других, менее развитых отраслей знания, например, геологии или биологии.

Исследовав основные принципы построения и развития теории в общепhilosophическом плане, авторы показывают, как они применяются в современной физике и математике. В книге аргументированно доказывается, что материалистическая диалектика представляет собой универсальный метод современного научного познания. Заслуживает высокой оценки глава, посвященная действию диалектико-логических принципов в физике. Здесь воссоздается реальный ход физического мышления, натолкнувшегося на непонятную сначала и потому трагическую для науки антиномию. Это не столько история науки, сколько философски осмысленная ее биография, вскрывающая логику физического творчества.

В книге проводится мысль, что ситуация в физической науке накануне открытия Эйнштейна напоминала ситуацию в политической экономике накануне великого переворота, совершенного К. Марксом. Эйнштейн встал перед необходимостью выбора между двумя соперничавшими и одинаково фундаментальными принципами. Но ученый, хотя и не вполне осознанно, руководствовался диалектико-логическим пониманием категории противоречия – осознал эту альтернативу как необходимость объединения

обоих принципов, и это было началом его революционного слова в физике. <...>

Рецензируемая книга не свободна от отдельных недостатков. Прежде всего, спорной представляется трактовка объекта и предмета науки (см. с. 69–76). Трудно согласиться с тезисом Ж. Абдильдина о том, что «мышление не есть особая, самостоятельная реальность» (с. 165). <...>

В целом книга Ж. Абдильдина и А. Нысанбаева является интересным исследованием эвристической роли диалектико-логических принципов в процессе построения научной теории.

**ИЗ ОБЗОРА В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»
(1976, № 2)**

<...> Предметом исследования все чаще становится сейчас эвристическая роль в научном поиске различных принципов материалистической диалектики.

В работах: Ж.М. Абдильдин, А. Нысанбаев. Диалектико-логические принципы построения теории (Алма-Ата, 1973); Ж. Абдильдин, М.Сабитов. Диалектика и современная наука (Алма-Ата, 1972); коллективном труде «Принцип противоречия в современной науке» (Алма-Ата, 1975) и др., раскрывается сущность научной теории и показано взаимовлияние и взаимодействие философии и естествознания на примере создания ряда научных теорий. Авторы убедительно показывают, что философские категории являются не только универсальными характеристиками бытия, но и основополагающими методологическими принципами формирования и синтеза теоретического знания в науке. <...>

Л. ВИТКОВСКИ (г. ВАРШАВА)

Принцип противоречия в современной науке.
Алма-Ата: издательство «Наука КазССР», 1975.
Под редакцией Ж.М. Абдильдина.
Роль принципа конкретности в современной науке.
Алма-Ата: изд-во «Наука КазССР», 1976.
Под редакцией Ж.М. Абдильдина
(Перевод В. Леонова, 1978 г.)

Новым результатом интенсивной работы коллектива методологии и философии науки, сосредоточенного в Институте философии и права Академии наук Казахской ССР в Алма-Ате (в т. ч. Ж. Абдильдин, М.С. Сабитов, А.Н. Нысанбаев, М.И. Баканидзе) являются две книги, посвященные изучению природы и роли принципов, сформулированных как важные элементы теории науки, разрабатываемой в рамках диалектического материализма.

Представлю сначала структуру содержания обеих книг, после чего сформулирую несколько общих соображений, иллюстрируя их в дальнейшем на различных примерах, взятых из этих книг. Работы буду обсуждать в совокупности, поскольку они имеют много общих черт, образуют звенья единой программы исследований и дополняют друг друга.

Принцип противоречия в современной науке.

Раздел I. Диалектическая логика о сущности диалектического противоречия в познании (Ж.М. Абдильдин).
Раздел II. Роль принципа противоречия в интерпретации квантовой механики (М.С. Сабитов). Возникновение квантовой механики как противоречивый процесс. Соподчинение понятий квантовой механики как выражение внутренних противоречий предметной области; об

источниках статистичности квантовой механики. Раздел III. Роль диалектического противоречия в процессе развития математической науки (А.Н. Нысанбаев). Проблема основного противоречия в математике; Противоречие объективного и субъективного; Логико-семантические парадоксы; Противоречие между математикой теоретической и прикладной; Противоречие формы и содержания, теорема Геделя, критика формализма и позитивизма; Противоречие дискретного и непрерывного, развитие понятия числа; Противоречие конечного и бесконечного, три кризиса оснований математики; Противоречие относительного и абсолютного, принцип соответствия; Принцип конфронтации и проблема противоречия. Раздел IV. Принцип противоречия в биологии (Г.А. Югай, Г.В. Тасмаганбетов, В.М. Леонов): Логико-гносеологические основы парадокса целостности в биологическом познании; Анализ гносеологической роли категории противоречия в физиологии высшей нервной деятельности; Противоречивость биологической организации. Раздел V. Роль категории противоречия в анализе психологической теории мышления (М.И. Баканидзе).

Роль принципа конкретности в современной науке.

Раздел I. Гегелевское понимание принципа конкретности (Ж.М. Абдильдин, Т.Х. Рыскалиев). Раздел II. Диалектико-материалистический анализ принципа конкретности научного познания (Ж.М. Абдильдин). Раздел III. Проблема конкретности в квантовой механике (М.С. Сабитов): исторический анализ возникновения квантовой механики; специфика предметной области квантовой механики, критика редукционизма; принцип дополнительности и конкретности; Соподчинение понятий квантовой механики. Раздел IV. Анализ методологической функции принципа конкретности в математическом познании (А.Н. Нысанбаев): Анализ форм проявления и роли принципа конкретности в развитии математики; Критика методологических

извращений принципа конкретности в процессе создания основ и развития математики. Раздел V. Роль принципа конкретности в построении теоретического знания в геологии (Авт. А.А. Ивакин): Логические условия возникновения конкретного понятия в геологии. Погружение геологической мысли в походную абстракцию и переход от абстрактного к конкретному. Раздел VI. Познавательная функция принципа конкретности в анализе философских основ физической географии (Н.К. Мукиданов): Генезис основного понятия физической географии; Внешняя конкретность географической оболочки; Географическая оболочка как единство разнообразных форм проявления географической реальности. Раздел VII. Методологическая роль принципа конкретности в определении предмета психологии (М.И. Баканидзе).

Обе книги входят в рамки программы исследований, ставящей себе целью изучение связей науки с марксистской теорией познания, выяснение и конкретизацию тезиса о возрастании методологической роли диалектики в наиболее развитых науках. Поэтому в них рассматривается генезис этих принципов, их понимание в марксистской философии и их логическое содержание, а также предпринимается попытка анализа их значения в различных областях современной науки, таких как математика, биология, психология, геология и физическая география. Понятно, что было бы трудно в краткой рецензии обсудить хотя бы мимоходом специфику каждой из статей, входящих в обе монографии. Поэтому, по необходимости ограничусь несколькими общими соображениями <...>

По-видимому, надо здесь отметить, что в советской литературе выступают два различные способа рассмотрения исходного пункта исследований в сфере методологии и логики научного познания. Одни авторы исходят непосредственно из диалектики – здесь изучение методологических проблем науки связано в

основном с анализом принципов диалектики; в других работах исходят из системно-структурального анализа. В рассматриваемых монографиях применяется первый способ. Однако подчеркивается при этом, что речь идет не о противопоставлении другой исследовательской перспективе, поскольку она не означает абсолютизации методов формальной логики. Выявление границ применимости формальных методов в познании, а также критика буржуазной философии, объективность основных принципов, законов и понятия диалектики признаются в качестве важнейших задач, стоящих перед марксистской методологией науки. Нужно также подчеркнуть важность с недавнего времени сильно акцентированного, хотя и не вполне изученного тезиса о происхождении современных изменений в самой логике научного познания.

Обе книги в большинстве своих разделов написаны трудным языком; трудным – как это ни парадоксально – в смысле простоты и обобщенности рассуждений. Читатель найдет в этих работах развитые элементы основ марксистской философии, богато иллюстрированные цитатами, а также часто непропорционально скупо изложенные положения, которые заслуживают (более того, требуют) углубленной аргументации и объяснения. <...>

Можно ли рекомендовать обе эти книги читателю? Думаю, что да, особенно ввиду того, что статьи являются замкнутыми и отделенными друг от друга целостностями, и потому можно их использовать выборочно. Книги содержат темы новые, мало встречаемые в польской литературе (см. описание содержания). Не подлежит также сомнению, что знакомство с работами советских философов может существенно помочь, особенно в тех случаях, когда они являются результатом актуальных исследований. Выбранные фрагменты из обеих книг могут оказаться для специалиста по методологии наук весьма интересными. Прежде всего занимающиеся

принципом дополнительности в физике несомненно заинтересуются мыслью Абдильдина о том, что до сих пор принцип дополнительности неправильно понимают и здесь в терминологически неудачной форме высказана идея единства противоположностей» (См. «Принцип противоречия»... с. 72).

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЛИСТ ПО ФИЛОСОФИИ. (г. БЕРЛИН).
14 (1978) 2.

*Роль принципа конкретности в современной науке:
Издано Институтом философии и права Академии наук
Казахской ССР. Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР,
1976. – 382 с.*

Принцип конкретности имеет важное методологическое значение для всей современной науки. В литературе до сих пор слишком мало обсуждались как общетеоретическая природа этого принципа, так и его методологическое значение в науке. В данной работе анализируется генезис и логическая природа принципа конкретности и исследуется его значение для физики, математики, геологии и других наук.

Книга состоит из введения (Ж.М. Абдильдин) и следующих глав: Гегелевское понимание принципа конкретности (Ж.М. Абдильдин, Т.Х. Рыскалиев); Диалектико-материалистический анализ принципа конкретности научного познания (Ж.М. Абдильдин); Проблема конкретности в квантовой механике (М.С. Сабитов); Анализ методологической функции принципа конкретности в математическом познании (А.Н. Нысанбаев); Роль принципа конкретности в построения теоретического знания в геологии (А.А. Ивакин); Познавательная функция принципа конкретности а анализе философских оснований физической географии (Н.К. Мукиганов); Методологическая роль принципа конкретности в определении предмета психологии (М.И. Баканидзе).

Согласно Абдильдину, в случае принципа конкретности речь идет о некотором содержательном принципе – в отличие от всех возможных абстрактных и формальных

Реферативный лист по философии (г. Берлин)

способов рассмотрения предмета. Он исследует предмет в его развитии, в его самодвижении, в его единстве и в его необходимой внутренней связи; он анализирует развитие внутренних противоречий предмета. Предмет рассматривается как единство многообразного, и на этой основе реализуется его теоретический синтез. Дальнейшая характеристика принципа конкретности состоит в раскрытии диалектики всеобщего, особенного и единичного (с. 5). <...>

Б.М. КЕДРОВ (г. МОСКВА)

Из обзора в журнале «Вопросы философии».
– 1978. – № 2.

Эту интересную и весьма важную проблему, которую можно было бы сформулировать как проблему исходного пункта научного познания, разрабатывают философы в Алма-Ате. В конце 60-х годов они создали ряд монографий, из которых данной проблеме специально посвящено исследование Ж. Абдильдина «Проблема начала в теоретическом познании». Сюда же отчасти примыкают другие две работы: Л.К. Науменко «Принцип монизма в диалектической логике» и М. И. Баканидзе «Проблема субординации логических форм». Продолжая эти исследования в настоящее время, следовало бы в порядке философского обобщения того, что дали частные науки, резюмировать, каким образом в общем случае познается «клеточка» научного знания и определяется ее место по отношению ко всему последующему процессу развития изучаемого предмета (соответственно к восхождению от абстрактного к конкретному).

Э.В. ИЛЬЕНКОВ (г. МОСКВА), А.А. ХАМИДОВ (г. АЛМА-АТА)

Принцип противоречия в современной науке*
Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1975. – 344 с.

Проблема диалектического противоречия в теоретическом освоении действительности продолжает оставаться одной из серьезнейших проблем материалистической диалектики. Рецензируемая монография, подготовленная сотрудниками отдела диалектического материализма Института философии и права АН КазССР, как раз и посвящена этой проблеме. Она выполнена под руководством и при участии члена-корреспондента АН КазССР Ж.М. Абдильдина.

Книгу условно можно расчленить на два, не совпадающие по объему, раздела: общеметодологический (охватывающий первую главу) и «прикладной» (включающий остальные главы), в котором, как сказано во «Введении», «на материале естественных наук показывается продуктивность диалектико-логического понимания категории противоречия, раскрывается роль принципа противоречия в формировании и развитии научных теорий» (с. 7). Рассмотрим теперь более подробно, в какой мере замысел и интенции авторов нашли свою реализацию в изданной коллективной монографии.

Отметим также, что в книге осуществлена попытка провести единую точку зрения на природу и роль диалектического противоречия в познании. Это обстоятельство обязывает нас более подробно остановиться на первой главе, носящей название «Диалектическая логика

---

* Опубликовано в журнале «Вестник Академии наук Казахской ССР». – 1978. – № 2.

о сущности диалектического противоречия в познании» (автор – Ж.М. Абдильдин). На наш взгляд, автор поставил перед собой задачу не столько развития собственных взглядов на категорию диалектического противоречия (хотя и эти моменты имеются), сколько глубокого обобщения того положительного, что на сегодняшний день выработано по этому вопросу в марксистской философии.

Вопрос о том, допустимо ли в логически правильном мышлении противоречие, имеет почти двухтысячелетнюю историю: доказательством тому — хотя бы знаменитые апории Зенона из Элеи. В этой связи автор, по нашему мнению, вполне оправданно обращается к истории философии, причем начинает не «с самого начала», а рассматривает лишь концепции Канта и Гегеля, что, на наш взгляд, в данном случае опять же имеет свои основания.

Ж.М. Абдильдин справедливо обращает внимание на то, что и в «докритический» период своей деятельности, в частности в трудах «Всеобщая естественная история и теория неба» и «Введение понятия отрицательных величин в философию», Кант постоянно сталкивается с проблемой диалектического противоречия и своеобразно решает ее, хотя нигде и не упоминает о диалектике. Автор отмечает, что в этот период Кант достиг значительных результатов в понимании роли противоречия в объективном развитии, а также в признании его значения для решения проблем космологии. Но тем не менее Кант «не смог осознать ее (категории противоречия. – Э.И. и А.Х.) методологическую и логическую функции» (с. 13), а «в дальнейшей работе философа этот продуктивный аспект не получил должного развития» (с. 11).

По сравнению с предшествующей философской культурой Кант в «критический» период своей философской деятельности в понимание противоречия внес нечто новое, а именно «связал проблему противоречия, антиномии с особой познавательной способностью

– с разумом и его стремлением познать безусловное, реализовать полный синтез» (с. 19). Несмотря на то, что сам Кант видел в этом недостаток разума, объективно-исторически заслуга его философии состоит в том, «что она доказала необходимость противоречия, антиномии в употреблении разума за пределами опыта» (с. 20). В главе отмечаются также существенные недостатки кантовского понимания противоречия. Ведь Кант был «убежден, что всеобщим условием научного знания является его непротиворечивость» (с. 25).

По-иному на природу и роль диалектического противоречия смотрел Гегель. Автор показывает, что «Гегель не просто описывает, не просто дает дефиницию понятия противоречия, не рассказывает, не рассуждает об отличии его от других философских понятий и категорий, а пытается исследовать содержательно, раскрыть категорию «противоречия» во всей ее конкретности, тотальности, выявляя сначала ее всеобщие определения, после чего шаг за шагом раскрывая более конкретные определенности» (с. 28). Далее подробно анализируются как положительные, так и негативные стороны гегелевской трактовки противоречия.

Переходя к марксистскому решению вопроса, Ж.М. Абдильдин отмечает: «Раскрытие противоречия объекта и путей его рационального разрешения — главное в диалектико-материалистической логике» (с. 36) и подвергает тщательному анализу взгляды классиков марксизма.

Известно, что в современной марксистской философской литературе существуют различные представления о категории диалектического противоречия, о специфике противоречия в научном познании. Позиция автора вполне определена. Он исходит из того, что поскольку сущность всех предметов противоречива, постольку конкретное понятие ее возможно лишь как тождество противоположных определений, т. е. как содержащее внутри себя противоречие. Что же касается закона запрета

противоречия в формальной логике, то он, согласно автору, может быть адекватно осмыслен лишь «как закон языкового выражения мышления» (с. 40–41). В литературе существует мнение о диалектическом противоречии как противоречии «в разных отношениях» (см., например, многочисленные работы И.С. Нарского). Полемизируя с этим воззрением, Ж.М. Абдильдин отмечает: «Противоречия, содержащиеся в разных отношениях, не являются диалектическими противоречиями» (с. 57). К этому можно добавить, что, более того, они вообще не являются противоречиями в подлинном смысле этого слова. Автор утверждает, что «противоречие, понимаемое в одно и то же время и в одних и тех же отношениях, является важнейшим условием теоретического познания, понимания предмета. Когда же противоречие трактуется как противоречие в разное время и в разных отношениях, то происходит потеря сущности, теоретического понятия» (с. 60).

В этом вопросе, на наш взгляд, автор проводит ту глубоко правильную трактовку в понимании диалектического противоречия, которая зародилась еще в глубокой древности и, развиваясь и обогащаясь, прошла через все подлинно философские системы и которая была принята марксизмом. Эта трактовка связана с такими мыслителями, как Гераклит, Гегель, Маркс, Ленин.

Но, как и всякая работа, труд Ж.М. Абдильдина не свободен от отдельных недостатков. Имеются некоторые замечания к общей трактовке диалектического противоречия. Так, например, он подчас идентифицирует единство и тождество, взаимодействие и взаимопроникновение. Но ведь единство противоположностей и тождество противоположностей суть различные моменты. Единство противоположностей может иметь место и без их тождества (например, единство правого и левого), ибо тождество есть не внешнее сосуществование противоположностей, но их внутреннее соотношение, так

сказать, «единство единства и не-единства», т. е. оно есть противоречие. То же самое можно сказать и о двух других категориях: первая выражает, скорее, внешнее, вторая – внутреннее отношение противоположностей. <...>

В целом же рецензируемая коллективная монография, по нашему мнению, является весьма серьезным вкладом в разработку теории материалистической диалектики.

А.К. ФРОЛОВ (г. МОСКВА)

Ж.М. Абдильдин, А.С. Балгимбаев.

*Диалектика активности субъекта в научном познании.
– Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1977. – 304 с.*

Проблема активности субъекта является, безусловно, центральной в диалектике как теории познания. Именно активность познания обеспечивает выполнение требований объективности и всесторонности рассмотрения, включения практики в теоретическое определение предмета, конкретности истины. Деятельная активность субъекта и есть та почва, на которой совпадают диалектика, логика и теория познания. Остановите этот процесс – и вы получите «бытие», «мышление», «познание» как голые результаты, а активность из их имманентной сущности превратится во внешний принцип, который надлежит в познании «применять». К каким последствиям ведут подобные «остановки понятия», хорошо известно из истории философии.

Поэтому авторы рецензируемой книги рассматривают само познание как частный случай или момент человеческой активности вообще. Познавательная активность мышления определяется Ж.М. Абдильдиным и А.С. Балгимбаевым как идеальная форма, проекция процесса материальной практической деятельности (с. 30, 100). Неактивности познания, каким оно выглядит в своем «остановленном понятии», в действительности не существует и никогда не существовало. Об этом убедительно свидетельствует вся история науки. Но субъективно этот факт осознавался не всегда. Поэтому далеко не лишним оказывается предпринятый авторами детальный историко-философский анализ становления идеи активности. Ему целиком посвящена первая глава, в которой показывается,

что суть реальной проблемы и теоретической коллизии, занимавшей умы ученых на протяжении столетия, состояла в необходимости согласования принципа отражения с тем фактом, что познание сущности явления, выделение его в чистом виде возможно только в определенных условиях, создаваемых деятельностью человека, в процессе изменения познаваемого объекта при помощи материальных орудий и синтеза полученных данных в целостную научную картину при помощи идеальных логических орудий – категорий, «объективных мыслительных форм». Домарксовский материализм не справился с этой проблемой и уже в лице Ф. Бекона отказался от признания активности познания и роли его орудий, зачисленных в разряд «идолов познания». Точно так же и идеализм, перенося активность целиком в сферу мышления, идеального, остался, по существу, в рамках созерцательности, гегелевского «некритического позитивизма», принятия наличного эмпирического существования. Только марксизм сумел преодолеть обе разновидности созерцательности, разрешив противоречие между метафизическим материализмом и немецким классическим идеализмом от Канта, показавшего, что объект познания не существует вне отношения субъекта, до Гегеля, отождествившего кантовский объект с действительностью.

Анализ развития проблемы и ее марксистского решения тем более поучителен, что современное естествознание (теория относительности, квантовая теория) сталкивается с теми же самыми трудностями. Авторы отмечают, что «ситуация, которая сложилась в квантовой теории... в логико-гносеологическом отношении поразительно сходна с той, которую описал Кант в «Критике чистого разума» (с. 235). Незнание диалектики и сегодня приводит отдельных выдающихся естествоиспытателей к тупикам идеализма, т.е. к фактическому отказу от познания. Современное физическое познание и его методология насквозь антиномичны. В книге показано, что противоречия

между крайними взглядами на эксперимент и измерение, на природу волновой функции, проблема дуализма волны и частицы, спор Бора и Эйнштейна и т. д. разрешимы только в рамках диалектико-материалистической методологии.

Диалектика не ограничивается простой конъюнкцией крайних высказываний, нахождением «золотой середины» или «устранением» противоречий, – она указывает путь к действительному их разрешению в рамках более общей теории. При этом важнейшим условием создания более общей и мощной теории является усиление активности субъекта в познании: «возрастание активности субъекта есть оборотная сторона усиления объективности физического познания» (с. 268). Между крайними терминами логических звеньев процитированного высказывания лежит целая цепь посредствующих звеньев, в которых и выражена точка зрения авторов на сущность познавательной активности субъекта.

В книге раскрывается диалектика субъектно-объектных отношений, складывающаяся в процессе познания и преобразования человеком окружающей действительности. Идеи о взаимодействии и взаимоформировании объекта и субъекта в познании восходят еще к Канту и Фихте, но в течение длительного периода они истолковывались неверно. Отождествление объекта с действительностью приводило к объективно-идеалистическим концепциям. Обратное отождествление – объективной действительности с объектом исключало всякую возможность активности субъекта и неминуемо вело к созерцательности. Различение объекта познания, понимаемого как «человеческая чувственная деятельность» (К. Маркс), и объективной действительности является ключом к разрешению диалектического противоречия активности и отражения. Познание, отражение является формой деятельности субъекта, продукт которой – научные понятия, категории – отражает не предмет в его неподвижности, не абстрактно-

общие признаки, присущие одновременно всем предметам одного класса, а способы преобразования предметов в практике человека. «Познание логики практического преобразования объекта есть, по существу, познание закономерностей материального мира» (с. 99). Категории в этом смысле предстают как «схема активного овладения, преобразования субъектом объекта познания» (с. 100).

Реализуя ленинское положение о деятельности человека как форме объективной реальности, авторы различают два вида субъективности. От субъективности, равной субъективизму, искажавшей реальные связи и отношения действительности, необходимо решительно избавляться в познании. Но есть и другого рода субъективность, без которой не может быть объективности познания. Это познавательная активность, усиление которой означает отсеивание субъективного из познания (с. 212). В этом смысле активность познания оказывается равной его конкретности. «Чтобы действительно познать предмет, составить о нем понятие, необходимо с самого начала учитывать активность субъекта, указать ту «систему отсчета», объективную позицию, относительно которой реально существует предмет, и подвергнуть его теоретическому анализу. Таким образом, практика непосредственно входит в формулировку теоретического понятия. Если при выработке понятия не учитывать практического отношения субъекта, то такое понятие не может быть конкретным» (с. 135).

Активность субъекта (познавательная и практическая) есть, по существу, социальная форма движения материи, на уровне которой диалектически совпадают законы деятельности субъекта и законы развития объективной реальности, бытие и мышление, деятельность и отражение. Поэтому активность субъекта исследовалась в литературе прежде всего на материале социального познания. Авторы книги показывают, что не существует принципиальной

границы между познанием истории и познанием природы, что обе разновидности совпадают в существенных определениях.

Они обращаются к материалу современной физики – к теории относительности и квантовой теории. Опираясь на работы ряда советских философов и естествоиспытателей, и прежде всего А.Д. Александрова и В.А. Фока, авторы раскрывают решающее значение принципа активности субъекта в физическом познании. Сущность развития физических теорий, непонимание которой заводит некоторых теоретиков в тупики идеализма, сводится к возрастанию конкретности физического знания. Вся сложность понимания этого процесса состоит в том, что всякое подлинно научное познание всегда было и остается конкретным, т. е. связанным с определенным практическим взаимоотношением субъекта и объекта. Но если раньше, на уровне изучения макрообъектов, на уровне ньютоновой механики добытые истины еще могли быть сформулированы как независимые от практики голые результаты, «оставившие тенденцию позади себя», то теперь практическая деятельность субъекта, связанная с получением знания, должна войти непосредственно в теоретическое определение предмета, отражена в логике понятий. В противном случае знания утрачивают физический смысл. Вот тут-то и обнаруживается недостаточность старого формально-логического понятийного аппарата, абсолютизирующего различие между субъектом и объектом.

В.И. Ленин указывал, что противоположность субъекта и объекта «не чрезмерна», относительна. Это обстоятельство необходимо внимательно учитывать, поскольку в современной физике постоянно возрастает роль принципа относительности. Относительность пространственных и временных характеристик объектов к системе отсчета дополняется в квантовой механике относительностью волновых и корпускулярных свойств микрообъектов к

средствам измерения. Указанные свойства теряют всякий конкретный смысл без точного указания на систему отсчета или на устройство, тип измерительной установки. В такой ситуации отождествление системы отсчета или измерительной установки с самим наблюдателем ведет либо к крайнему субъективизму и релятивизму, либо к крайнему объективизму, в зависимости от того, признается или отвергается влияние прибора на объект познания. Опираясь на марксистско-ленинское учение о практике, авторы показывают неправомерность такого отождествления и рассматривают эксперимент, измерение, прибор как разновидности человеческой практики и ее орудий. В этом своем качестве они и входят в теоретическое определение предмета. Антиномии крайних объективистских и субъективистских точек зрения на роль эксперимента и измерения, систем отсчета и приборов в познании разрешается на основе понимания измерения, прибора как совпадения субъективного и объективного, воплощения единства субъекта и объекта.

Анализируя проблемы квантовой теории, авторы показывают, что противоречивые свойства микрообъектов зависят не от приборов, а связаны с объективной диалектикой свойства и отношения, которая только лишь обнаруживается при воздействии приборов на объекты. Ни свойства, ни отношения сами по себе не исчерпывают качественной определенности объекта. «Свойства объекта существуют лишь в рамках определенных отношений и зависят от них» (с. 273). Поэтому выделение в процессе эксперимента или измерения тех или иных отношений выделяет в объекте те или иные свойства. «Роль прибора заключается не в создании свойств, а в создании условий, позволяющих этому свойству проявляться... Поведение микрообъекта, его свойства определяются конкретной системой, в которой он находится» (с. 279–280); частным случаем такой системы является искусственно созданная

система «прибор – объект». Из этих предпосылок вытекает следующее понимание дуализма волны и частицы: «Буквальная трактовка дуализма частицы как отношения несовместимости справедлива, если речь идет об отношении эмпирических картин, полученных в экспериментальных установках разного типа. Но эта трактовка несостоятельна, когда речь идет о внутренней природе микрообъекта, а не о внешнем выражении» (с. 241). Специфика квантово-механического описания состоит в том, что влияние прибора органически входит в формулировку понятий и законов. От того, как понимается это влияние, зависит выбор между агностико-идеалистической и диалектико-материалистической трактовками квантовой механики. Авторы подвергают аргументированной критике концепцию неконтролируемого взаимодействия прибора и объекта и развивают концепцию В.А. Фока о взаимодействии как логическом стыке разнородных двух систем описания: квантово-механической (на стороне объекта) и классической (на стороне прибора). Активность субъекта выступает здесь как активная роль логических категорий при переходе от одной системы описания к другой, в синтезе адекватной научной картины действительности.

Содержание глав, посвященных современному физическому познанию, не исчерпывается вопросами квантовой теории, но приведенные примеры хорошо иллюстрируют сильные стороны рецензируемой работы. Авторы не уходят в натурфилософские рассуждения, оставляют физике физическое и сосредоточивают внимание на логической стороне физического познания, т. е. осуществляют именно методологическую функцию философии (которую столь часто ошибочно принимают за методическую), состоящую в том, чтобы «разъяснить» человеку «смысл его собственных действий» (К. Маркс). А смысл их заключается в том, что «современное естествознание рождает диалектический материализм»,

причем всякий раз по-новому. Об этом убедительно свидетельствует анализ многообразных форм возрастания активности субъекта в познании.

Наряду с отмеченными достоинствами, книга не лишена и некоторых недостатков, имеющих частный характер. Авторы подробно выясняют роль практики как основы познания и критерия истины. В то же время в тени остается вопрос о практике как цели познания. Ведь познавательная активность субъекта, будучи проекцией его практической материальной активности, является одновременно и важнейшей предпосылкой будущей творческой деятельности. Ценные мысли, высказанные авторами по этому вопросу во второй главе (с. 118 и др.), и являющиеся хорошей основой для понимания природы творчества, не получили, к сожалению, дальнейшего развития. В то же время, в книге есть неоправданные повторы и длинноты. Необходимо отметить также наличие ряда неоговоренных опечаток, искажающих смысл текста.

В целом книга Ж.М. Абдильдина и А.С. Балгимбаева должна быть оценена положительно, как серьезное исследование, вносящее определенный вклад в разработку проблем материалистической диалектики как логики и теории познания.

**В.И. ТОЛМАЧЕВ (г. МОСКВА)
РЕФЕРАТИВНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ РЕЦЕНЗИИ Х. МИЛЬКЕ И Х.
РИХТЕРА (ГЕРМАНИЯ)**

*Абдильдин Ж.М., Балгимбаев А.С.
Диалектика активности субъекта в научном познании.
– Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977. – 302 с.
Rec.: Mielke H., Richter H. – Deutsche Zeitschrift für Philosophie.
– 1979. – Jg. 27. – Hf. 3. – S. 385–388.*

Цель рецензии – ознакомить немецкого читателя с книгой одних из ведущих философов Казахстана. Теория познания диалектического материализма особое внимание уделяет активности познающего субъекта, проблеме, стоящей в центре идеологической борьбы. Рецензенты особо отмечают, что авторы книги обратились к мало исследованной в советской литературе теме – методологической роли принципа активности в научном познании.

Подчеркнуто, что предметно-практическая деятельность является всеобщим условием активности субъекта, ибо она возможна только в соответствии с объективными законами развития материального мира и одновременно гарантирует совпадение познания с объективной реальностью. Рецензенты отмечают заслугу авторов в том, что проблема активности познающего субъекта рассматривается на материале современной физики, что является наглядным доказательством важности творческой активности субъекта. В рецензии подчеркивается, что авторы выступают против отождествления диалектики с принципом дополнительности.

Резюмируя, рецензенты высказывают мнение, что ограничение активности субъекта только в рамках научной теории является недостатком, так как исключается сфера экспериментального исследования, которая все более и более усложняется. Современная физическая аппаратура и установки тоже требуют высокой степени творческой активности.

И.М. МАНУЙЛОВ (г. ПЕНЗА), А.К. ФРОЛОВ (г. МОСКВА)

Ж.М. Абдильдин, А.С. Балгимбаев.

Диалектика активности субъекта в научном познании.
– Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1977. – 304 с.;

Роль категории «идея» в научном познании.
– Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1979. – 249 с.*

Авторы рецензируемых книг исследуют важные и мало разработанные вопросы диалектики.

Проблема активности субъекта является, безусловно, одной из центральных в теории познания. Именно активность познания обеспечивает выполнение требований объективности и всесторонности рассмотрения, включения практики в теоретическое определение предмета, конкретности истины.

Ж.М. Абдильдин и А.С. Балгимбаев рассматривают познание как частный случай, или момент человеческой активности вообще. Познавательная активность мышления определяется ими как идеальная форма, проекция процесса материальной практической деятельности (см. с. 30, 100).

Авторы предприняли детальный историко-философский анализ становления идеи активности, показывая, что суть реальной проблемы и теоретической коллизии, занимавшей умы ученых на протяжении столетий, состояла в необходимости согласования принципа отражения с тем фактом, что познание сущности явления, выделение его в чистом виде возможно только в определенных условиях, создаваемых деятельностью человека. Домарксовский созерцательный материализм не справился с этой проблемой. Точно так же и идеализм, перенеся активность целиком в сферу

---

* Опубликовано в журнале «Вопросы философии». – 1980. – № 8.

мышления, остался, по существу, в рамках созерцательности, гегелевского «некритического позитивизма» (Маркс), принятия наличного эмпирического существования. Только марксизм сумел преодолеть обе разновидности созерцательности, разрешив противоречие метафизического материализма и немецкого классического идеализма.

Анализ истории проблемы и ее марксистского решения тем более поучителен, что современное естествознание часто сталкивается с теми же самыми трудностями. Так, авторы отмечают, что «ситуация, которая сложилась в квантовой теории... в логико-гносеологическом отношении поразительно сходна с той, которую описал Кант в «Критике чистого разума» (с. 235). Современное физическое познание и его методология насквозь антиномичны. В книге показано, что противоречия между крайними взглядами на сущность эксперимента и измерения, на природу волновой функции и т. д. разрешимы только в рамках диалектико-материалистической методологии.

Диалектика не ограничивается простой конъюнкцией крайних высказываний, нахождением «золотой середины» или «устранением» противоречий, она указывает путь к действительному их разрешению в рамках более общей теории. При этом важнейшим условием создания такой теории является усиление активности субъекта в познании: «возрастание активности субъекта есть оборотная сторона усиления объективности физического познания» (с. 268).

В книге раскрывается диалектика субъект-объектных отношений, складывающаяся в процессе познания и преобразования человеком окружающей действительности. Познание, отражение, как показывают авторы, является формой деятельности субъекта, продукт которой – научные понятия – отражают не предмет в его неподвижности, не абстрактно-общие признаки, присущие одновременно всем предметам одного класса, а способы преобразования предметов в практике человека.

Реализуя ленинское положение о деятельности человека как форме объективной реальности, авторы различают два вида субъективности. От субъективности, равной субъективизму, искажающей реальные связи и отношения действительности, необходимо решительно избавляться в познании. Но есть и другого рода субъективность, без которой не может быть объективности познания. Это познавательная активность, усиление которой означает отсеивание субъективного из познания (см. с. 212). В этом смысле активность познания оказывается равной его конкретности. «Чтобы действительно познать предмет, составить о нем понятие, необходимо с самого начала учитывать активность субъекта, указать ту «систему отсчета», объективную позицию, относительно которой реально существует предмет, и подвергнуть его теоретическому анализу. Таким образом, практика непосредственно входит в формулировку теоретического понятия. Если при выработке понятия не учитывать практического отношения субъекта, то такое понятие не может быть конкретным» (с. 135).

Опираясь на работы ряда советских философов и естествоиспытателей, авторы раскрывают, в частности, решающее значение принципа активности субъекта в физическом познании.

В.И. Ленин указывал, что противоположность субъекта и объекта «не чрезмерна», относительна. Это обстоятельство необходимо внимательно учитывать, поскольку в современной физике неуклонно возрастает роль принципа относительности. Относительность пространственно-временных характеристик объектов к системе отсчета дополняется в квантовой механике относительностью волновых и корпускулярных свойств микрообъектов к средствам измерения. Указанные свойства теряют всякий конкретный смысл без точного указания на систему отсчета или на устройство и тип измерительной установки. В такой ситуации отождествление системы отсчета или

измерительной установки с самим наблюдателем ведет либо к крайнему субъективизму и релятивизму, либо к крайнему объективизму, в зависимости от того, признается или отвергается влияние прибора на объект познания. Специфика квантово-механического описания, как показано в книге, состоит в том, что влияние прибора органически входит в формулировку понятий и законов. От того, как понимается это влияние, зависит выбор между агностико-идеалистической и диалектико-материалистической трактовками квантовой механики. В связи с этим авторы подвергают аргументированной критике концепцию неконтролируемого взаимодействия прибора и объекта. Развитие современной науки предполагает, как правило, развитие и усовершенствование уже существующих форм научно-теоретического мышления, его категориального аппарата, сложившегося естественноисторическим образом.

В этом еще раз убеждает содержание книги «Роль категории «идея» в научном познании», написанной коллективом авторов (И.Е. Ергалиев, Г.Г. Соловьева, М.С. Орынбеков, М.С. Сабитов) под руководством Ж.М. Абдильдина.

«Проблема идеи в истории философии, – отмечают авторы, – это поиск ответа на вопрос о природе и сущности знания» (с. 23). В диалектике идея рассматривается как такая логическая форма мышления, которая выше понятия, ибо в границах идеи абстрактно взятые противоположности субъективного и объективного, материального и идеального, понятия и реальности, мысли и образа и т. д., сохраняя свое своеобразие и качество, то есть оставаясь противоположностями, тем не менее, осознаются и понимаются не абстрактно, а конкретно, как лишь моменты чувственно-предметной, материально-производственной деятельности общественного человека.

В книге на большом историко-философском и историко-научном материале последовательно проводится

принцип материалистического монизма в понимании логической природы идеи.

Проблема идеи возникает в философии Платона именно как вопрос об отношении всеобщего к единичному и особенному. Заслугу Платона авторы видят в том, что он первым в истории философии осознал деятельную природу всеобщего, обнаруживающего себя в сфере человеческой культуры как мир «идей», который противостоит любому человеку как особый предмет, отличный от формообразований «девственной» природы. Однако Платон, а затем и классики немецкой идеалистической диалектики, в частности, Гегель, гипостазировали знание всеобщего, содержащееся в логической форме идеи, возвели его в абсолюте, противопоставили природному и культурно-историческому миру единичных вещей и людей, полагая последний лишь модификацией, бледной копией идеи.

Для Маркса же возникновение идеи как особой и исторически необходимой формы научно-теоретического мышления «выступает реально лишь опосредствующим звеном в действительно-практическом движении – общественного человека» (с. 42). Деятельная природа идеи, по мысли авторов, обнаруживает себя на практике, на деле, ибо идея в отличие от понятия в свое содержание включает не только знание сущности предмета знания, но и знание средств, способов, форм его творческого преобразования в соответствии с целями общественного человека.

Авторы связывают возникновение идеи как логической формы мышления с переходом от эмпирического к теоретическому уровню знания. Теоретический характер знания, содержащегося в идее, обусловлен также и тем, что именно в форме идеи находят свое идеальное, а затем и материальное разрешение объективные противоречия действительности.

Особенно интересным в плане развития принципов диалектической логики представляется научно-теоретическое

осмысление в книге того известного из истории науки факта, что любая действительная идея, революционизирующая и теорию и практику, всегда возникает сначала в форме художественного образа, ориентированного на красоту, понимаемую как целесообразность, а, точнее говоря, как «целесообразность», то есть сообразность частей с целым, гармоническое сочетание, соединение частей с целым.

Этот факт был осознан в классической немецкой философии Кантом, Фихте, Шеллингом и в особенности Гегелем. За ним кроется исключительно интересная и важная проблема диалектики как логики. В формулировке Э.В. Ильенкова – это вопрос о влиянии искусства на науку, о роли развитого культурного созерцания, воображения, мышления образами в продуцировании научных и технических идей.

Идея «первоначально и постигается, схватывается – и не только художником, но и ученым – как некоторый образ. И это постоянное сопровождение идеи образом дает нам ключ к разгадке тайны природы идеи» (с. 68). Однако нам думается, что в этом факте «постоянного сопровождения идеи образом» кроется не конец, а лишь начало проблемы, не разгадка, а скорее сама загадка возникновения идеи из художественного образа. Тайна универсальности логической формы идеи, органически включающей в себя и мышление образами и мышление понятиями, кроется в конечном счете, по Марксу, в универсальности орудийной деятельности людей, деятельности «по меркам любого вида», а в силу этого также и «по законам красоты». И искусство и наука возникают в конечном счете из потребностей общественного производства и обслуживают материально-производственную и революционно-критическую деятельность людей по преобразованию своего природного и общественного бытия.

Оценивая обе монографии в целом, наряду с несомненными достижениями авторов, следует отметить недостатки, носящие частный характер.

Ж.М. Абдильдин и А.С Балгимбаев подробно выясняют роль практики как основы познания и критерия истины. В то же время в тени остается вопрос о практике как цели познания. Ведь познавательная активность субъекта, будучи проекцией его практической материальной активности, является одновременно и важнейшей предпосылкой будущей творческой деятельности. Мысли, высказанные авторами по этому поводу во второй главе книги (см. с. 118 и др.) и являющиеся хорошей основой для понимания природы творчества, не получили, к сожалению, дальнейшего развития. Наряду с этим, в книге есть неоправданные повторы и длинноты.

В заключение необходимо подчеркнуть, что рецензируемые книги представляют собой заметные вехи в серии исследований, проводимых Институтом философии и права АН Казахской ССР в области материалистической диалектики.

К.О. ОСМАНОВ, В.Р. ТИХОМИРОВ

Проблема активности субъекта и современная наука*
Ж.М. Абдильдин, А.С. Балгимбаев.
Диалектика активности субъектов в научном познании.
– Алма-Ата: Наука КазССР, 1977.

Конкретные механизмы взаимодействия философии и естествознания историчны, они изменяются в зависимости от конкретных условий. Философия, решая проблемы в предельно общем виде, предвосхищает методологические основания тех или иных теоретико-познавательных задач конкретных наук. Но развитие науки XX в. указывает на возможность выхода за пределы этого общего правила. В частности, если до конца сороковых годов проблемы физики у нас старались решать на основе двучленного методологического основания «материя – сознание», то исследования теоретико-познавательных проблем теории относительности и, главным образом, квантовой механики, выдвинули на передний край методологии науки необходимость применения трехчленной схемы: «субъект – условия познания – объект». Это наглядный пример того, что соотношение философии и наук носит двусторонний, диалектический характер, что последние не просто иллюстрируют те или иные положения философии, а, наоборот, зачастую «заказывают музыку». Выделение тех или иных методологических принципов и представлений, имманентных характеру конкретно-научных проблем, приводит к их всестороннему исследованию, обогащению и развитию.

---

* Опубликовано в журнале «Известия АН Казахской ССР. Серия общественных наук». – 1980. – № 2.

Одной из таких проблем является проблема активности субъекта в научном познании, исследованию которой как в общепhilosophическом плане, так и на материале современной физики посвящена рецензируемая книга. Она состоит из двух частей, первая из которых (I и II главы написаны Ж.М. Абдильдиным) посвящена анализу проблемы активности в философии, а вторая (III и IV главы написаны А. С. Балгимбаевым) – конкретизации выводов, полученных в первой части на примере формирования теории относительности и квантовой механики. Выбор в качестве интерпретационного фона двух ведущих разделов современной физики целесообразен и вполне оправдан: методологические регулятивы и представления, выявленные при анализе развитой науки, могут служить и, как показывает практика, действительно служат ключом (неким философским инвариантом) к разгадке логико-гносеологических трудностей развивающихся наук.

В первой части указывается, что проблема активности имеет универсальный характер, является «вечной» проблемой философии, форма «данности» которой определялась различными экономическими и духовными потребностями эпохи.

Проблема активности впервые была поставлена и разработана в немецкой классической философии. Всестороннее и глубокое исследование этого вопроса занимает одно из центральных мест в структуре первой части монографии (с. 14–75).

Субъект и объект получили свое категориальное определение впервые у Канта. Отбросив пассивно-созерцательную теорию познания, по которой сознание всецело детерминировано предметом, действительностью, Кант на повестку дня ставит вопрос о диалектике субъекта и объекта. «Не будет преувеличением, – указывает Ж.М. Абдильдин, – если скажем, что идея активности, деятельности в какой-то мере определяет особенность

кантовской диалектики и пронизывает диалектику всей немецкой классической философии» (с. 14). Человек должен относиться к природе не как школьник, а как судья, ставящий перед природой определенные вопросы и добивающийся ответа на них. Трансцендентальный субъект, как субъект исторического действия, включен в исторический процесс, где его воля все же ограничена определенными моральными принципами.

У Фихте активность субъекта абсолютизируется и она теряет свою земную основу, превращаясь в творца, демиурга. У Гегеля в соответствии сего объективно-идеалистической системой, хотя человек и обладает свободой воли и цели отдельных людей могут находиться в противоречии, все же реализуется та цель, которая связана с исторической необходимостью. Человек представляется им как «момент мистической субстанции» (К. Маркс). Критикуя кантовский агностицизм, Гегель высказывает плодотворную мысль, что для познания «необходима наша субъективная деятельность, преобразующая непосредственно существующее», но общая установка не дает ему возможности выйти за пределы абстрактного идеалистического понимания активности сознания, ибо идеализм не знает «действительной, чувственной деятельности» (Маркс).

Впервые Маркс показывает, что «отношение познающего субъекта к объекту является прежде всего материальным, чувственно-предметным» (с. 78). С этим связано, по мнению автора, соответствующее понимание субъекта познания.

В нашей философской литературе существует слишком большой разноречивости по поводу того, что нужно понимать под субъектом и объектом познания. Субъектом познания, по мнению Ж.М. Абдильдина, выступает «не изолированный от общественных связей и отношений индивид, а общественный человек, вовлеченный в сеть общественных отношений, активно действующий в

определенной социально-экономической среде ...подлинным субъектом познания оказывается общество...» (с. 88–89). Вычленение субъекта из объекта носит исторический характер (с. 91), формы мышления выступают как зафиксированные формы предметной деятельности. Материалистическая диалектика провозглашает и обосновывает активность категорий мышления в практической деятельности и в познании. Субъективная деятельность, осуществляя переход от эмпирической стадии познания к теоретической, активно воссоздает сущность объекта.

Рассматривая антиномию отражения и активности (с. 98–130), автор указывает, что пренебрежение всеобщими логическими формами у эмпириков (у Локка, например, чувственное более богато, абстрактное мышление обедняет), привело к развитию проблемы активности главным образом идеалистами (причем одностороннему). Причем и материалисты, и идеалисты говорили о несовместимости принципа отражения и принципа активности. В решении указанной антиномии становятся в тупик и многие современные философы. Выявляя несостоятельность представлений Г. Петровича, М. Марковича и других философов, объединившихся вокруг журнала «Праксис», автор указывает, что антиномия отражения и активности могла быть разрешена и действительно разрешена материалистической диалектикой. Разрешена она на основе открытия опосредующего звена между природой и сознанием, на основе понимания человека как общественного существа. Причем «в предметной деятельности находятся в нераздельном единстве отражение и активность, воспроизведение и творчество» (с. 107). Предметная деятельность человека опосредует связь субъекта с миром, обуславливает формирование теоретического знания.

Идеально воспроизводя предметную деятельность, понятия тем самым охватывают и объективную сущность предметов. «Следовательно, отражение объективного

в субъективном всесторонне обосновывается только в предметной деятельности» (с. 111). Предметная область изначально не дана исследователю. Важнейшим, универсальным методологическим принципом, который нашел свое применение при разработке теории относительности, выступает тезис: «практика непосредственно входит в формулировку теоретического понятия» (с. 123).

Заслуживает внимания и попытка автора дать развернутую критику объективизма, с одной стороны, и негативного отношения к субъективному в познании – с другой, на основе принципа активности субъекта. Последовательного проведения принципа активности субъекта требует и существо принципа конкретности <...>

Первая и вторая главы написаны на глубоком теоретическом и научном уровне, составляют нечто цельное и законченное. В этом плане им заметно уступают третья и четвертая главы монографии <...>

Сделанные замечания, однако, не умаляют достоинств рецензируемой монографии, отличающейся глубиной и новизной подхода к слабо разработанным в методологии науки проблемам. Несомненной заслугой данной монографии является и то, что она дает достаточно твердое основание для дальнейших философских раздумий.

Г.М. ХАЛЯВИН (г. МОСКВА)

*Исследование отдельных аспектов методологии
«Капитала» К. Маркса в советской философской литературе
середины 50-х – середины 70-х годов**
(1980 г.)

В предлагаемой статье делается попытка краткого изложения результатов исследований ряда советских философов** по проблемам методологии «Капитала» К. Маркса. <...>

Другой советский философ Ж.М. Абдильдин придерживается сходной с Э. В. Ильенковым позиции. Он подчеркивает важность гегелевского понимания понятия как единства общего, особенного и единичного. Автор применяет категории «конкретно-всеобщее», «истинно-всеобщее» для определения исходной абстракции.

Ж.М. Абдильдин видит в методе «Капитала» выражение становления конкретной целостности в процессе «саморазвития и формообразования». Раскрывая метод «Капитала», он пишет: «Согласно диалектической логике, содержательный метод теоретического воспроизведения любой системы должен исходить не из понятия, логических постулатов, аксиом и не из «чистого опыта». Он должен прежде всего анализировать определенную эмпирическую реальность, предметную область и ее элементарное

---

* Отрывки из статьи, опубликованной в журнале «Вестник Московского университета» (Серия 7. Философия. – 1980. – № 5).

** Ж.М. Абдильдин, М.Н. Алексеев, Г.В. Батищев, В.А. Вазюлин, Д.П. Горский, Б.А. Грушин, Э.В. Ильенков, Б.М. Кедров, П.В. Копнин, В.И. Мальцев, Л.А. Маньковский, З.М. Оруджев, В.Ф. Пустарнаков, М.М. Розенталь, А.А. Сорокин и др.

бытие, простейшую конкретность, из развития которой формировалось данное сложное целое. Анализ этой элементарной конкретности, «клетки» обнаруживает в ней единство всеобщего и единичного, материи и формы, положительного и отрицательного и дает возможность понять и теоретически выразить всю систему в целом»*. <...>

Ж.М. Абдильдин сравнивает простое, элементарное, сущность со стихиями у древних философов. В связи с выводимостью сложного из простого возникает вопрос о несводимости сложного к простому (необратимость процесса). Отсюда – проблемы несводимости качеств, соотношения части и целого, единичного и общего, начала и предмета. Крайности в решении этих вопросов привели, по мнению Ж.М. Абдильдина, к образованию двух позиций в философии: эмпиризма (Бэкон, Локк, Юм) и рационализма (Декарт, Спиноза, Лейбниц). Эмпиризм не может понять возникновение целостности, а рационализм – разнообразия множества разновидностей. <...>

В аспекте применения методологии «Капитала» к решению общетеоретических вопросов естествознания сделано еще меньше, чем в решении вопросов обществоведения. Заслуживает внимания статья В.М. Каганова «Идеи «Капитала» К. Маркса и естествознание» в книге «Капитал» К. Маркса, философия и современность» (1968) и особенно работы Ж. М. Абдильдина**, в которых раскрывается метод «Капитала» применительно к теории относительности и квантовой механике. Ж. М. Абдильдин утверждает, что нет необходимости создавать онтологию природы, но можно использовать логику «Капитала» для исследования проблем естествознания. <...>

---

* Абдильдин Ж. Проблема начала в теоретическом познании. – Алма-Ата, 1967. – С. 207–208.

** См.: Абдильдин Ж. Проблема начала в теоретическом познании; Абдильдин Ж., Нысанбаев А.Н. Диалектико-логические принципы построения теории. – Алма-Ата, 1973.

Ж.М. Абдильдин, раскрывая проблему исходной абстракции в логике «Капитала», проводит следующую аналогию: «Объективно-общим и товара, и живой протоплазмы, и корпускулярно-волновой природы микро-явления, принципа относительности является то, что все они наиболее элементарны, всеобщи, непосредственны и не требуют обоснования в данной системе. Все другие, более сложные определенности конкретного, наоборот, основаны на них»*.

Автор проводит аналогию закона стоимости с принципом относительности. (Эта идея заслуживает внимания.) Он устанавливает связь принципа относительности с принципом постоянства скорости света по аналогии связи закона стоимости с формами прибыли. А в категориях диалектики этому соответствуют структуры категорий общего и особенного, сущности и ее проявления.

Ж.М. Абдильдин проводит аналогию сущности и явления с теоретическим воспроизведением микрообъекта (волновой функции) в «классической форме», абстрагированной от случайностей результатов изменения и статистических квантовых явлений. <...>

---

* Абдильдин Ж. Проблема начала в теоретическом познании. – С. 207–208.

В.Е. ДАВИДОВИЧ, В.П. КОХАНОВСКИЙ, А.М. МИНАСЯН
(г. РОСТОВ-НА-ДОНУ)

*Абдильдин Ж.М., Абишев К.А.
Формирование логического строя мышления
в процессе практической деятельности.
– Алма-Ата: Наука, 1981. – 212 с.**

В книге проводится мысль о том, что нет и быть не может марксистской диалектики как общей теории развития и вместе с тем логики и теории познания вне и помимо материалистического понимания истории. Как известно, всеобщие формы и принципы мышления классики марксизма не «навязали свыше», а вполне сознательно вывели из развития «земных отношений» людей, из их действительной истории как истории развития материального производства и смены общественно-экономических формаций. Именно путем тщательного анализа глубинных основ истории человечества только и могли быть получены существенные, универсальные, всеобщие определения развития и создана научная теория последнего – материалистическая диалектика.

Ж.М. Абдильдин и К.А. Абишев и показывают в своей книге, что материальное в общественной жизни – это не просто одна из многих его особенных форм («наряду» с другими), к которой нужно только применить «всеобщие» законы развития. Дело в том, что понимание развития как такового возможно лишь в процессе осознания законов общественно-исторической практики, высшей формы движения материи, вобравшей в себя все низшие ее формы. Материалистически понятая история общества (и в первую

---

* Опубликовано в журнале «Вопросы философии». – 1982. – № 11.

очередь лежащее в ее основе развитие материального производства) – это не одна из многих равнозначных «историй», а тот «всеобщий тип», из которого только и можно вывести всеобщие определения мышления. Вот почему категории мышления – это, по мысли авторов, всеобщие определенности бытия, практически освоенные в активной деятельности общества, отраженные формы предметной деятельности людей, выкристаллизованные в ходе многовековой истории человечества, социальной жизни, всеобщие условия познания.

В этой связи нельзя не разделить озабоченности авторов книги по поводу имеющегося у нас абстрактного противопоставления природного и социального, искусственной градации проблематики (а часто и системы категорий) материалистической диалектики и материалистического понимания истории, сближения первого с «философией природы», а второго – с «философией истории». Преодоление этого разделения, устранение этого «сближения» – актуальная задача исследований в области марксистской философии.

Достоинством монографии является то, что авторы акцентируют внимание читателя на своеобразии философского обобщения и характера построения системы именно философских категорий. Они исходят из того, что философское обобщение не есть извлечение путем простого сравнения того одинакового, что свойственно различным сферам действительности, ибо в таком случае выявляется лишь внешняя, поверхностная, «пустая» всеобщность, пресловутый абстрактно-общий признак.

Подлинно философское обобщение имеет дело с конкретно-всеобщим (сущностью, универсальными законами), и «извлекается» оно из анализа высших уровней целостности, наиболее высокого и зрелого этапа развития – социального. Последнее должно быть, в свою очередь, взято в наивысшей точке своего развития...

Авторы книги убеждены – и с ними нельзя не согласиться в том, что «всеобщие законы формирования теоретического знания, категории, отражая форму предметно-практического изменения человеком природы, в то же время выступают как воспроизведение универсальных законов бытия». А это значит, что материалистическая диалектика не есть сначала диалектика (онтология), затем теория познания, а уже потом логика, а одновременно и то, и другое, и третье – «это одно и то же (не надо трех слов)» (В.И. Ленин) и как таковая – всеобщий метод познания и преобразования мира.

Логические категории как «составляющие» этого метода и представлены авторами в качестве таких универсальных форм мышления, в которых «схвачены» в синтезе узловые пункты предметной деятельности и общения, выработанные всей историей человечества. Отражая основные этапы чувственно-практического изменения окружающей действительности, категории функционируют вместе с тем как универсальные нормы, конкретно-всеобщие идеальные схемы (способы) деятельности человека в соответствии с всеобщими законами природы, общества и самого мышления. Развертывание диалектики как совокупности всеобщих нормативов, схем активной познавательной и практической деятельности, совпадающих с сущностью культуры, «перевод» объективного содержания всех ее элементов в субординированную систему рекомендаций, правил действий субъекта позволяют перейти к анализу конкретных механизмов, теоретических рычагов, обеспечивающих реализацию ее требований. Кроме того, представление диалектики как совокупности универсальных регулятивов необходимо для более глубокого уяснения ее как системы всеобщих норм, принципов революционно-практической деятельности.

Четкая реализация принципа историзма – характерная особенность книги. И в этом пункте авторы последователь-

но проводят ленинское указание о том, что диалектика есть итог, квинтэссенция истории познания, вывод всей материальной и духовной деятельности людей. Историко-философский подход – это не «уход в далекое прошлое», не отказ от решения современных задач философии, а, наоборот, важнейшее средство для решения этих актуальных задач, в том числе для обоснования системы категорий материалистической диалектики. Отсюда понятно и вполне оправданно то большое внимание, которое, в частности, уделено в книге немецкой классической (и прежде всего гегелевской) философии, анализу ее рациональных идей и недостатков в связи с данным вопросом.

Наряду с большим и содержательным историко-философским материалом, Ж.М. Абдильдин и К.А. Абишев основательно используют диалектическое богатство «Капитала», который по своей логике и внутреннему совершенству является классической теорией современного научного знания. К рассмотрению привлекается также разнообразный и интересный материал антропологии, этнографии, психологии и других частных наук.

Интересная, содержательная книга Ж.М. Абдильдина и К.А. Абишева имеет, на наш взгляд, определенные недостатки. Так, хотя сами авторы говорят о важности избранной ими проблемы исследования в плане критики современной западной философии, однако такая критика не является развернутой, а дается лишь мимоходом, вскользь.

Эти и некоторые другие недостатки не снижают высокого в целом уровня рецензируемой монографии. Она вносит определенный вклад в решение центральной задачи, стоящей в наши дни перед марксистско-ленинской философской наукой, – задачи разработки теории материалистической диалектики как целостной, субординированной системы категорий, законов, принципов.

Л.Н. РОДНОВ (г. КОСТРОМА), М.С. САБИТОВ (г. АЛМА-АТА)

*Обсуждение «Диалектической логики»
в Институте философии АН СССР*
(1990 г.)*

16–17 ноября 1989 г. в Институте философии АН СССР состоялось обсуждение четырехтомной «Диалектической логики»**, созданной коллективом авторов под руководством академика АН КазССР Ж.М. Абдильдина. Оно было организовано секцией диалектического материализма Философского общества СССР (председатель – доктор философских наук Й. Г. Элез). В обсуждении приняли участие известные ученые из различных городов страны: Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента, Воронежа, Ростова-на-Дону, Пензы, Костромы, Владивостока, Челябинска и т. д. Цель этого обсуждения заключалась не только в вынесении какого-либо оценочного суждения о данном труде, но и в определении того состояния, в котором находится разработка теории материалистической диалектики в стране, в сравнительном анализе целой серии многотомных коллективных работ по диалектике (пятитомный труд ленинградских, а также четырех- и восьмитомные издания московских ученых), в постановке новых задач, уточнении направлений дальнейших поисков.

---

* Опубликовано в журнале «Известия АН Каз ССР. Серия общественных наук». – 1990. – № 3.

** Диалектическая логика. – Алма-Ата: Наука КазССР. Кн. 1: Общие проблемы. Категории сферы непосредственного, 1986; Кн. 2: Категории сферы сущности и целостности, 1987; Кн.3: Формы и методы познания, 1988; Кн. 4: Диалектическая логика как методология современного естествознания, 1985.

Открывая обсуждение, Й.Г. Элез (Москва) подчеркнул настоятельную необходимость глубокого и доказательного развития диалектической логики как науки о действительном, содержательном мышлении. Она обусловлена не только тем, что так называемое «новое мышление», о котором в настоящее время много говорят и пишут, по сути своей и есть мышление диалектическое (и это, к сожалению, сплошь и рядом упускается из виду), но и тем обстоятельством, что от имени и под прикрытием плюрализма мнений предпринимаются настойчивые попытки опорочить марксизм-ленинизм, доказать его устарелость и несоответствие действительности, принизить его роль и значение в постановке и решении современных проблем общественного развития. Но возможен ли плюрализм истины, плюрализм нравственных устоев? Устарел ли диалектический метод, материалистическая диалектика как логика, теория познания и методология марксизма – диалектика, являющаяся, по выражению В. И. Ленина, «душой марксизма»? Разброд и шатание мысли, разложение разума и размытость критериев истинности, релятивизм и софистика, с одной стороны, или диалектическая логика как логика содержательно-истинностного мышления, постоянно соотносящаяся с объективным ходом общественно-исторического процесса и восходящая к логической традиции, идущей от Гегеля и Маркса, – с другой, – так можно вкратце обрисовать проблемный центр сегодняшних дискуссий в философии. Выход в свет в этих условиях в Алма-Ате «Диалектической логики» следует признать знаменательным событием, заслуживающим внимания всей философской общественности страны.

С изложением основных принципов и идей, реализованных в обсуждаемом труде, выступил Ж.М. Абдильдин, который, касаясь общего замысла работы в целом, сказал, что она была задумана как конкретный шаг в направлении выполнения ленинского завещания о создании Логики с

большой буквы, Логике диалектической. Придерживаясь историко-философской традиции, главные вехи которой заложены Аристотелем, Кантом и Гегелем, и опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, а также известных советских философов Э.В. Ильенкова, Б.М. Кедрова, П.В. Копнина, М.М. Розенталя и др., авторы считают, что диалектика сама должна быть образцом научности, научным образом развитой системой категорий, в основе которой лежит предметно-практическая деятельность человека. Здесь мы отходим от узкого понимания предметной деятельности, отождествляющего ее с человеческим трудом, представляющим лишь один из ее моментов. Рассмотрение предметной деятельности в ее целостности как исторически развивающегося отношения людей к природе и друг к другу позволяет сопоставить три ступени ее развития и соответствующие три ступени развития логических категорий (сфера непосредственного, сфера сущности и целостности). Открытие Марксом понимания предметной деятельности как целого привело к выработке конкретно-всеобщего понятия материи – начала марксовского мировоззрения. Все другие категории предстают как моменты развития этого исходного основания, и каждая категория занимает свое место в системе его определений. Мышление, в отличие от философии Гегеля, предстает не как самодовлеющая субстанция, а как форма более действенной реальности, а именно предметно-практической деятельности человека. Этим обусловлено и совпадение форм мысли с формами творчества человеческой культуры.

Конкретизируя эти положения, доктор философских наук К.А. Абишев, являющийся одним из авторов первого тома, в котором даны основополагающие принципы всей многотомной серии, показал, что источник формирования логических форм находится в созидательной деятельности человечества во всей истории его становления и развития.

Предметная деятельность понимается как универсальный процесс, а человек, субъект этой деятельности — как универсальное существо. Предметом философии является отношение человека к миру, и любая проблема, в которой не проявляется это отношение, может быть адресована любой другой науке, но не философии. Любая категория диалектики и выражает той или другой стороны отношение «человек — мир», что оказывается возможным постольку, поскольку полюсы этого отношения опосредуются между собой через универсальную предметно-практическую деятельность, в процессе которой люди относятся не только к внешнему миру, но и друг к другу. Отношения людей друг к другу, общественные отношения — это та же деятельность, направленная на самих людей. От характера этих отношений, которые, в свою очередь, определяются уровнем развития производительных сил общества, зависит содержательность мыслительных форм. Так, в условиях командно-административной системы человек оказался отчужденным от всех форм и результатов своей деятельности, превратился в объект управления. Можно говорить о крайней степени отчуждения человека, о его тотальном характере, и, естественно, мышление такого человека, как и его предметная деятельность, не может иметь полноты форм, содержательно-диалектической наполненности. Здесь заключены корни многих социальных бед нашего общества, в том числе обострений международных отношений, экологических проблем и т. д.

Выступления Ж.М. Абдильдина и К.А. Абишева вызвали большой интерес у присутствующих и множество вопросов, вокруг которых и развернулась острая дискуссия: о предмете диалектической логики, ее отношении к логике формальной; об исходном пункте и основании системы категорий диалектики как логики; о роли и месте принципов предметно-практической деятельности, единства диалектики, логики и теории познания, противоречия

и развития; о трактовке отдельных категорий (материя, качество, истина и т. п.); об общественной, социально-политической значимости диалектической логики и ее проблем в условиях перестройки и т. д., и т. п.

Дав в целом высокую оценку коллективному труду и назвав крупным событием принципиальной важности само обсуждение его, один из старейшин логиков-диалектиков страны автор известных работ по проблеме противоречий С.П. Дудель (Москва) высказал свое несогласие с тем, что в основание системы категорий диалектической логики положено понятие материи, а не категория противоречия и вообще ей, категории противоречия, уделено недостаточно внимания. Материя, по его мнению, составляет объект диалектической логики, предметом же ее является противоречие, и именно с него и должно начинаться систематическое развертывание категорий, как это и сделано К. Марксом в его «Капитале», Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге», В.И. Лениным во фрагменте «К вопросу о диалектике» и других их работах. Высказано было им также сомнение в правомерности отождествления логики предметной деятельности с логикой разумного мышления, тогда как последняя должна выражать скорее логику самих вещей.

Большинство выступавших затем философов не согласилось с позицией С.П. Дуделя, хотя были у него и сторонники (Ю.П. Попов – Владивосток, С.Е. Янин – Ленинград и др.). Так, Л.Н. Роднов (Кострома), согласившись с ним в том, что в основании диалектической логики, в отличие от формальной, действительно лежит противоречие, вместе с тем высказался против его утверждения, будто материя лишь объект, а не предмет диалектической логики, так как такое понимание сразу лишает логические категории их реального основания. На его взгляд, авторы «Диалектической логики» правы и в этом, и в другом отношении: хотя категории противоречия посвящена лишь одна глава во втором томе, на самом же деле эта категория пронизывает

все разделы, и, следовательно, упрек в невнимании к противоречию неуместен. Выступающий, исходя из идей обсуждаемого труда, высказал пожелание найти место в готовящемся к изданию пятом томе для категории свободы, ибо без свободы невозможно и диалектическое мышление. Вот почему, сказал он, действительное развитие диалектической логики возможно лишь в условиях демократического, гуманного общества, которое мы начали строить теперь, и тем более заслуживают похвалы авторы, которые, вопреки условиям застойных лет, упорно шли к намеченной цели — созданию Логике диалектической.

Остро дискутировался вопрос о статусе принципа единства диалектики, логики и теории познания, который, по мнению некоторых известных философов (В.А. Босенко – Киев, С.Н. Мареев – Москва), представляет в известной мере искусственную проблему, так как диалектика изначально едина во всех своих функциях (логической и гносеологической) и ее расчленение с последующим объединением придает данному принципу налет искусственности. Заслуга авторов, указывали выступающие, в том и состоит, что они органически проводят этот принцип в его ленинском понимании («не надо трех слов» и т. п.), т. е. диалектика и есть одновременно логика и теория познания. И ключ к такому пониманию – в предметно-практической деятельности, логика которой и есть логика реализующего себя мышления. Эти идеи наиболее последовательно удалось провести именно этому авторскому коллективу, и, значит, есть все основания признать их фундаментальным, серьезным научным достижением и вполне обоснованно можно говорить об алма-атинской школе диалектических логиков, сумевшей объединить довольно широкий, интернациональный по составу круг ученых, глубоко исследующих избранную проблематику. Было также отмечено, что, конечно, как и

в любом серьезном исследовании, в обсуждаемом труде имеются определенные недостатки, но они, вопреки мнению С.П. Дуделя, заключены не в следовании деятельностному принципу, а как раз в том, что не всегда последовательно и глубоко этот принцип проводится. Отказ же от принципа предметной деятельности чреват отходом назад от научной философии диалектического материализма и неизбежным возвращением к материализму XVIII в.

Некоторые участники обсуждения (Ю.П. Попов – Владивосток, В.А. Пирогов – Новороссийск), соглашаясь с данным в первом томе определением предмета диалектической логики и ее соотношения с формальной, высказали пожелание развернуть эти моменты с учетом новейших достижений современной логики, ибо такие актуальные проблемы, как проблема искусственного интеллекта или проблема создания ЭВМ новейших поколений, прямо упираются в проблему противоречий, и здесь, при их решении, без диалектики никак не обойтись.

В ряде выступлений (И.Г. Элез, В.А. Пирогов – Москва; С.П. Сайко – Воронеж; П.Я. Сергиенко – Москва; И. Мануйлов – Пенза; М.С. Сабитов – Алма-Ата и др.) дискутировались вопросы, касающиеся важнейшего аспекта проблемы – методологической функции диалектики. Выступающие отметили, что диалектическая логика и есть диалектический метод и что все категории диалектики в их системе выполняют функцию метода марксистско-ленинского анализа действительности. В этом отношении диалектическая логика располагает целым арсеналом средств (метод восхождения от абстрактного к конкретному, принципы противоречия, конкретности, развития, единства исторического и логического, детерминизма и т. д.), которые позволяют познать любой объект действительности в его становлении и развитии, в его живой жизни, о чем можно определенно судить по четвертому тому.

Наряду с положительной оценкой обсуждаемого труда, были высказаны существенные замечания и пожелания на будущее. На необходимость более последовательного проведения важнейших принципов диалектической философии (например, принципа тождества бытия и мышления, понимания категорий как ступеней познания), раскрытия методологической и мировоззренческой значимости категорий диалектики как логики, конкретного анализа немарксистских концепций диалектики указал М.А. Парнюк (Киев). Требования большей доказательности во всем изложении, каждого выдвигаемого положения, обоснованности переходов между категориями, углубления историко-философских оснований системы категорий, необходимости их рассмотрения в контексте истории развития общечеловеческой культуры, разработки марксовского метода научной критики выдвигали Й.Г. Элез, В.Д. Рута, М.Б. Савич, Г.В. Лобастов (Москва), Б.Р. Керимов (Ташкент).

Основные выводы, которые вытекают из всего хода обсуждения, можно свести к следующему:

а) коллективный труд «Диалектическая логика» представляет собой фундаментальное исследование, реализующее известное ленинское завещание о создании Логике (с большой буквы), в котором дано первое в стране действительно систематическое изложение категорий материалистической диалектики как Логике. По мнению большинства участников, это – лучшая из опубликованных коллективных многотомных работ по диалектике, опираясь на которую можно вести дальнейшие исследования;

б) можно рекомендовать переиздание труда с большим тиражом с тем, чтобы он был доступен всесоюзному читателю, предусмотреть подготовку и издание в Москве однотомной «Диалектической логики», являющейся как бы «сгустком» многотомного труда. Профессора В.А. Босенко и М.А. Парнюк заявили, что они считают данный

труд незаменимым подспорьем в исследовательской и преподавательской работе, которым они пользуются сами и который рекомендуют аспирантам и студентам старших курсов;

в) необходимо создать Всесоюзную ассоциацию по диалектической логике (таковые, как известно, уже созданы в Китае и Японии), поставить вопрос об издании журнала «Диалектика» (возможно, в Алма-Ате). Консолидация сил сторонников диалектической логики особенно необходима в нынешних условиях, когда под различными предлогами подвергается усиленным нападкам марксизм;

г) предложить ускорить издание пятого тома «Диалектической логики» и организовать специальное обсуждение всех ее томов в рамках III Всесоюзного симпозиума по диалектике, проведение которого намечено на сентябрь 1990 г. в Алма-Ате.

Г.В. ЛОБАСТОВ, ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР (г. МОСКВА)

*Ж.М. Абдильдин. Сочинения в пяти томах.
– Алматы, 2000–2001.**

Это – никак не рецензия в обычном смысле этого слова. Дать оценочный анализ философского содержания пяти томов** на нескольких страницах – дело, если и мыслимое, то только в такой форме, через которую читатель может разглядеть лишь общие интенции автора сочинений – и в той же мере интенции «рецензента». Работы же Ж.М. Абдильдина, собранные им в одном издании, возвращают нас к совсем недавним, но весьма острым дискуссиям о сути и формах теоретического знания. В них выражен, и выражен однозначно, диалектический взгляд на существо познавательных проблем, и именно этот взгляд в его историческом развороте, исторических особенностях, логических формах и принципах и подвергается критической рефлексии.

Как отмечает Ф.Т. Михайлов, автор в некотором смысле аналогичного издания, теперь «о самой диалектике если и вспоминают, то вскользь, чуть ли не с кривой усмешкой на устах. Мне кажется, это *и исторически, и логически несправедливо*» (Михайлов Ф.Т. Избранное. М., 2001. С. 156). Восстановить справедливость – это снова всмотреться в историческое развитие мышления, в том числе и в нашу недавнюю историю подобных попыток. Сочинения Ж.М. Абдильдина предоставляют нам такую возможность.

Развитие любой мысли, возникшей в истории, конечно же, предполагает в первую очередь удержание в

---

* Опубликовано в журнале «Вопросы философии». – 2002. – № 3.

** Т. 1. – 400 с.; т. 2. – 445 с.; т. 3. – 392 с.; т. 4. – 436 с.; т. 5. – 452 с.

составе наличного сознания тех достижений исторической культуры, которые осваиваются научным сообществом и представляются за рамками этого профессионального сообщества всем социальным группам – от ученых до простых любителей. Нельзя сказать, что в десятилетия так называемого «тоталитаризма» было мало сделано в сфере анализа диалектического мышления. Но и нельзя сказать, что достаточно. Диалектическая культура мысли, наиболее отчетливо выраженная в немецком классическом идеализме, до сих пор остается неосвоенным местом не только для наличного сознания, но и, не побоюсь сказать, для философской публики. Оттого зачастую и возникает полемика, временами и местами абсолютно бессмысленная. Настало время отдать отчет в том, что сделано, чтобы, не теряя прочной почвы под собой, продвинуться дальше. Библиография работ по диалектико-логической проблематике внушительна, и молодой исследователь, не пораженный вирусом злопыхательства (а диалектика, как известно, входила в контекст идеологического сознания), найдет здесь немало разумного. По одной той причине, что диалектика внутренне, с самого начала, от Парменида и Гераклита, содержит в себе попытку войти в разум и разумное бытие, попытку избежать односторонности и удержать в своих рассуждениях другую, противоположную сторону. Более того, увязать их в единство и даже усмотреть в них тождество. С этой, для многих абсурдной, ситуацией справиться нелегко, потому тут, может быть, и нет таких достижений, какими может похвалиться абстрактно-односторонний подход.

Разработка проблем диалектики с ее принципом противоречия сегодня не может показаться абсурдом, как это казалось некоторое время назад ученым и философам, работавшим в позитивистской парадигме, – нынче абсурд стал живой реальностью, а упорядоченность бытия и мышления – лишь отзвуком прошлого авторитаризма.

Увы, логика, если она стремится к истине, воспроизводит действительность. Поэтому как бы вы ни назвали противоречие и чем бы оно ни казалось – абсурдом, тупиком или заблуждением разума – его исследовать приходится, и каждый раз конкретно и каждый раз исходя из исторически развитых принципов познания именно этих глубинных проблем действительности. Если наука философская этому делу разрешения действительных противоречий не помогает, не мудрено, что мы сталкиваемся с отсутствием культуры мышления и за рамками ее.

Но развить мысль в историческом смысле – это не только втянуть известное ее содержание в естественный обиход обыденного и научного бытия, но и развернуть ее до ее собственных пределов, – и, слава богу, если это удастся сделать профессионалам. Такое развитие как раз и было бы адекватным пониманием исторического состава соответствующей культуры. Если такого теоретического понимания не происходит, то сама практика, основанная на втянутом в себя способе мышления, чувственно-практически своим реальным действием такие пределы прощупывает и навязывает их мыслящему мышлению.

Разумеется, можно всегда спорить о мере адекватности понимания мышления, его форм и принципов, потому что вопрос здесь всегда касается способов интерпретации соответствующего мыслительного материала, и поэтому мы по необходимости всегда входим в более широкий контекст, содержащий в себе основания для наших суждений. Потому во всех наших попытках суждения, которое претендует на охват исторического масштаба мысли, проявляется мера нашего освоения глубинных исторических движений культуры. Даже тогда, а в первую очередь именно тогда, когда мы понимаем, что исследуемая историческая мысль должна быть понята (выведена) из реальных исторических условий бытия людей, а не осмыслена в рамках моих сегодняшних представлений.

Но если по большому счету, то развитие мысли – это, конечно же, не только достижение предела, но и всегда выход за рамки критикуемого (в кантовском смысле) принципа, и он возможен только через всестороннюю и конкретную проработку предшествующих форм мысли.

Мы знаем, что за рамки наличной мысли можно выйти либо путем обнаружения в ней, в этой мысли, внутренней противоречивости, т. е. путем ее имманентного развития, либо сама наличная практика бытия осуществляет внутри себя такой сдвиг, который обнаруживает недостаточность мыслительных форм для освоения нового содержания. В последнем случае новый принцип мышления появляется как бы извне. Однако это «извне» – есть собственный, неустранимо-атрибутивный момент мышления, связанный с сущностной функцией движения последнего: мышление всегда осуществляет себя в определенных условиях и воспроизводит собой конкретное содержание этих условий человеческой жизнедеятельности. Но этот отражающий, воспроизводящий внешнюю действительность момент мышления не содержит в себе истины, если только это мышление не имеет своей опоры в исторической логике бытия и тем самым самого мышления.

Вот этот-то момент тождественности бытия и мышления и имеет принципиальное значение как для понимания бытия, так и для понимания мышления. Многообразие принципов, получающих разворот в различных концепциях и направлениях мысли, конечно же, имеет своим основанием многообразие самого бытия, неспособного в своем самосознании найти единую прочную основу. Как ни странно, такая ситуация изначально присуща самой философии, как раз ищущей эти первоосновы бытия и мышления. Но именно философия же и показала, что эта ситуация – не дело случая, не результат случайного полагания в основание фрагментарности бытия, разряды которого, разумеется, могут иметь друг перед другом

преимущества, и не субъективное заблуждение разума. Это вполне объективный факт противоречивости самого бытия, воспроизводимый составом исторического мышления человечества. И со времен античного мира эта ситуация называется диалектикой.

Нынешние возможности свободного обсуждения практически любых проблем, кажется, должны бы были способствовать анализу тех форм мышления, которые могут наиболее адекватно выразить сегодняшнее кишачье противоречиями содержание бытия. Условия гласности обнаружили поверхностность и эмпиричность наличного сознания: не прорвалась якобы сдерживаемая тоталитаризмом глубина понимания. О культуре мышления просто и говорить не приходится: сплошная подмена понятий, абсолютно недопустимые обобщения, абстрактно-односторонняя форма анализов, мошенническое протаскивание скрытых смыслов и т. д. уподобляют сферу мышления некоему подобию базарно-рыночных отношений, где господствует всеобщая продажность. Даже банальная «школьная логика», введенная сегодня в качестве учебного предмета практически во все учебные заведения, начинает выглядеть панацеей от этих бед, но и она не может удержать мысль от произвола – не в силу бессилия, а в силу неспособности наличного сознания освоить и удержать в себе эту «премудрость».

Здесь бы ум профессионала и должен был взглядеться в суть мыслящей способности и природы ее социально-политических девиаций. Сегодня это актуально.

Поэтому приятно узнать, что стали появляться книги, в которых резюмируются достижения философии прошлых лет, в частности достижения философской логики. К ним относится и пятитомник Ж.М. Абдильдина.

В этом издании представлена и целая панорама исследований, через которые легко прослеживается история развития философии в Советском Казахстане. Это легко

понять: многие годы автор был не просто директором Института философии и права в Алма-Ате, организатором и руководителем научно-философских исследований, но и признанным ученым, известным далеко за пределами Казахстана. Это и неудивительно, потому что алма-атинская философская школа вышла, собственно, из Москвы и постоянно с московскими учеными поддерживала связь – вплоть до распада Союза. С распадом же эта связь чисто насильственно физически прервалась, но сегодня с появлением Internet она становится снова возможной, и если трудно мыслить лично-персональные встречи международной философской публики, как это Алма-Ата умела организовывать в не столь давние годы, то сегодня можно надеяться на заочные конференции и активный обмен научными суждениями по каналам электронной связи. Разумеется, это уже не будут симпозиумы в прямом смысле слова, но дух старых дружеских и научных взаимоотношений, надо полагать, сохранится. Но пока нет иницилирующего начала ни в Алма-Ате, ни в Москве.

Однако появились книги. И, даст бог, они дойдут и до Москвы. Как в свое время дошла четырехтомная «Диалектическая логика» (1984–1987), «Принцип противоречия в современной науке» (1975), «Диалектика активности субъекта в научном познании» (1977), «Роль категории «идея» в научном познании» (1979), «Формирование логического строя мышления в процессе практической деятельности» (1981). И, конечно, никак нельзя не упомянуть о первом обратившем на себя внимание труде алма-атинских философов, в котором была заявлена серьезная установка на глубину исследований философских проблем – «Проблемы логики и диалектики познания» (1963), которую «Вопросы философии» оценивали как серьезный вклад в разработку диалектической логики, как шаг вперед по сравнению со всем предыдущим (см.: Вопросы философии. 1965. № 2. С. 144). С этой книги и началась активная работа

«алма-атинской школы», обозначившая себя в мире философии вполне определенной парадигмой своих исследований, тяготеющей к немецкой классике и марксистской диалектике. И, наконец, только что вышла двухтомная коллективная работа по этой проблематике – «История диалектики» (Алматы, 2001).

Поэтому, повторю мысль иначе, издание сочинений Ж.М. Абдильдина – не только ретроспектива, взгляд в недавнюю историю нашего мышления, но и определенная надежда на перспективу. И надо полагать, перспективу содержательного осмысления и развития исторического контекста мышления – и не без помощи тех исследований, которые проводятся казахстанскими философами. В сочинениях Ж.М. Абдильдина читатель найдет давно ставшую редкостью его, пожалуй, ключевую работу «Проблема начала в теоретическом познании» (Алма-Ата, 1967). В ту пору это было «первой работой, в которой предпринята попытка наиболее полно рассмотреть эту проблему» в самых сложных областях науки. Вне всякого сомнения, что для философии и практики научного познания это актуально и по сей день, и работа Ж.М. Абдильдина, сколь бы далеко ни продвинулись наши сегодняшние представления, сохраняет в себе свой творческий импульс.

Как бы естественным и вполне логичным продолжением этой работы по анализу теоретического знания была книга Ж. Абдильдина и А. Нысанбаева «Диалектико-логические принципы построения теории» (Алма-Ата, 1973), главы из которой, принадлежащие Ж.М. Абдильдину, воспроизведены во втором томе. Не случайно в этом том входят и написанные Ж.М. Абдильдиным разделы коллективной монографии «Принцип противоречия в современной науке» (Алма-Ата, 1975). Эта книга явилась первой в серии книг, специально посвященных раскрытию смысла, содержания и роли отдельных диалектико-

логических принципов в человеческом познании и практике. Следующей, кстати сказать, была снова коллективная монография «Роль принципа конкретности в современной науке» (Алма-Ата, 1976), выполненная под руководством и с участием Ж.М. Абдильдина. Разделы, принадлежащие ему, вошли также во второй том.

Проблема активности познания породила в истории философии целый ряд проблем, многие из которых до сих пор остаются открытыми. Одной из таких является творчество. Можно сказать, что разгадка этого феномена существенным образом касается принципиальных вопросов как мировоззренческого плана, так и познавательных процедур любой науки. Логика обязана развернуть самождественность бытия в его процессуальность, а процессуальность должна быть показана как развивающаяся в себе. Какие потенции здесь превращаются в действительность? И почему действительность ставших форм оказывается лишь моментом креативного движения? Может, конечно, казаться, что творчество само является лишь моментом в составе действительного бытия, но следует признать, что, пока креативность не будет понята как универсальная и высшая форма движения действительности, не будет понята и целостность самой процессуальности. Все направления в философии и все философские концепции в конечном счете восходят к тому или иному толкованию этого феномена. Поэтому, когда рассматривается, например, активность субъекта в процессе познания, проблема выглядит частной, если она не вписывается в фундаментальную философскую проблематику. Именно так дело и понимает Ж.М. Абдильдин, разворачивая этот контекст в текстах, помещенных в третий том. Познание, согласно его позиции, является формой деятельности субъекта, продукт которой отражает не предмет в его неподвижности, не абстрактно-общие признаки, присущие одновременно всем предметам

одного класса, а способы преобразования предметов в практике человека. А практика и суть та всеобщая основа, которая содержит в себе креативный потенциал. «Таким образом, – итожит Ж.М. Абдильдин, – практика непосредственно входит в формулировку теоретического понятия». Более того, «если при выработке понятия не учитывать практического отношения субъекта, то такое понятие не может быть конкретным» (Т. 3. С. 123). Иначе говоря, истинным.

Разумеется, это самые общие суждения, в текстах эта позиция приобретает рельефное и обоснованное выражение, и чтобы с нею полемизировать, надо в эти основания входить – и не только ради полемики, а с целью дальнейшего критического развития этих давно вызревших в истории философии идей.

В четвертом томе представлены главы «Диалектической логики», написанные Ж.М. Абдильдиным. Представлять их читателю значило бы попытаться развернуть весь контекст непростых идей, находящихся в сложной оппозиции к господствующим в науке представлениям. Однако сегодняшний кризис научного знания, восходящего в своей парадигмальной основе к нововременной рациональности, требует более внимательного и непредубежденного отношения к тем достижениям логико-философской мысли, которые мы находим в немецком классическом идеализме. Контекст исследований Ж.М. Абдильдина как раз на эти достижения опирается. Логика, конечно же, мыслится в первую очередь как некая устойчивая форма, выражающая собой закон, нормы и правила мышления. Но если мы не забудем, что форма самотождественности как момент покоя снимается в творящем движении, то перед нами сразу возникает сонм проблем, связанных с необходимостью в науке логики выразить не только движение, но и творение как процесс. Поэтому та подвижка, которая осуществлена в четырехтомной «Диалектической логике», одной из цело-

го ряда изданий, осуществленных в то время различными авторскими коллективами, повторю, заслуживает учета в дальнейших исследованиях этой проблематики.

А проблематика эта возникла, как известно, с момента зарождения философии как науки о понимающем мышлении, прошла сквозь эпохи и далеко не устарела сегодня. Как отмечает Ф.Т. Михайлов, и «в восточной мудрости теоретическое мышление прошло при своем возникновении фактически тот же путь: опора на парность категорий мышления, поиск единого основания у различных, до прямой противоположности дозревших понятий и идей, образов и символов как в эзотерических, так и в известных всем философских направлениях и школах – все было так и все есть так. Хотя для европейца их экзотическая форма не совсем привычна, но она – форма единства и борьбы противоположностей в содержании мыслимого».

Как хорошо понимает читатель, работы Ж.М. Абдильдина выполнены в привычной европейской форме, и их издание говорит о неутрате интереса к диалектике.

Научное издание

**ЗАРУБЕЖНАЯ ОЦЕНКА ТРУДОВ
АКАДЕМИКА Ж.М. АБДИЛЬДИНА**

Второе издание, переработанное и дополненное

Редактор *Е.Н. Дремкова*

Компьютерный дизайн и верстка *Г.И. Нуситова*

Подписано в печать 30.01.2013. Формат 60/84¹/₁₆
Усл. п.л. 9,37. Тираж 500. Печать офсетная.

Отпечатано в ТОО «TST Company»
г. Алматы, ул. Рыскулова, 92а